

Россия XXI: солдаты Апокалипсиса

B.U.N.K.E.R.

ЛЕВ ПУЧКОВ

ПОЛИГОН СМЕРТИ

B.U.N.K.E.R.

Лев Пучков

Полигон смерти

«АСТ»

2013

Пучков Л. Н.

Полигон смерти / Л. Н. Пучков — «АСТ»,
2013 — (B.U.N.K.E.R.)

Благополучный промышленный городок в самом сердце России. Последний мирный вечер. Народные гуляния по случаю Старого Нового Года. Завтра город превратится в военный плацдарм, и будет отдан во власть мародёров и террористических бригад, а на центральной площади, где сегодня кружит новогодний хоровод, разгорится кровопролитный ожесточённый бой. Но это будет завтра. А пока здесь праздник, и Алексу Дорохову из команды «Бункер» совершенно невдомек, что скоро он попадёт в новую реальность, в которой жизнь человека не будет стоить ни гроша, горожанам придётся сбиваться в стаи, чтобы выжить, а улицы станут зоной боевых действий.

© Пучков Л. Н., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	32
Глава 4	43
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лев Николаевич Пучков

Полигон смерти

Все события, описанные в книге, выдуманы.

Не ищите здесь каких-то совпадений с действительностью.

*Названия всех объектов, подразделений и структур придуманы автором
и не имеют ничего общего с наименованиями реальных аналогов.*

Проект «B.U.N.K.E.R»

Дело № 5

«Полигон смерти»

*...Промышленный городок,
Ни зелени, ни лесов
Из живности лишь коты
И стаи бродячих псов
И только на старом кладбище
Столетних деревьев тень
И на могилах клубника
А нам собирать не лень...*

В. Степанцов, песенка про городок.
Или про кладбище?
Впрочем, не будем гадать.
Посмотрим, как получится...

Пролог

– А Волга в этих местах замерзает?

– Понятия не имею. – Феликс на секунду оторвался от изучения карты и озабоченно уточнил. – Мне навести справки?

– Нет-нет, я сам. – ЧП открыл папку с метеорологией в своём ноутбуке и нашёл сводную таблицу по региону.

Феликс – недавно прибывший «офицер по особым поручениям». У него в голове и без того мешанина из колоссального массива информации, которую нужно как можно быстрее привести в порядок и систематизировать, так что не стоит перегружать его второстепенным аспектами.

Последний раз в районе моста Волга замерзала пять лет назад, в конце января – начале февраля, но ненадолго. На фарватере лёд, пригодный для транспортной нагрузки, продержался меньше недели. Надо будет учесть на тот случай, если операция затянется.

ЧП закрыл ноутбук и потянулся. Из окон вездехода, стоявшего на вершине холма, открывался слегка смазанный снегопадом вид на Город, зажатый в речной петле. Несколько наособицу, отдельными массивами, выделялись химкомбинат и Арсенал для хранения боевой химии.

ЧП недовольно нахмурился и покачал головой.

Такие условия никак нельзя назвать «чистыми» и «типичными». Эксперимент будет необъективным и по большому счёту неполноценным.

ЧП – специалист по государственным переворотам, свержению режимов и организации «народных» революций. У него колоссальный опыт работы в странах Африки, Азии и Ближнего Востока.

Впервые в жизни ЧП работает на Родине. Вот уж не думал, что доведётся трудиться здесь по специальности, даже мысль такая никогда на ум не приходила, настолько это было невероятно, невозможно и неправильно.

– Всё когда-то случается в первый раз, – пробормотал ЧП, пытливо всматриваясь вдаль. – Не думал, что так будет...

– Это вы насчёт работы? – живо отозвался Феликс.

ЧП кивнул. Умный мальчик, всё схватывает на лету.

Собственно, мальчику уже за тридцать, но ЧП старше его почти в два раза, так что в сравнительном отношении вполне сойдёт за мальчика.

Это будет не работа в привычном значении. Это эксперимент, обкатка методики, отработка сценария – в общем, можно называть как угодно, но по сути это будет тренировка. Как и в каждом из перечисленных выше уголков земного шара, где довелось работать ЧП, в России бездна своей специфики. Поэтому, прежде чем запустить массовый сценарий в масштабах страны, его необходимо скрупулёзно и методично отработать на полигоне. Выявить все ошибки и неточности, отобрать рабочие схемы и отбраковать негодные варианты, наконец, создать прецедент и включить стартовый механизм ПРОЦЕССА.

ЧП сделал для себя несколько панорамных снимков прямо через стекло и сентиментально вздохнул.

Ему было жаль Город, выбранный в качестве полигона для грядущего эксперимента.

Отсюда, с холма, Город был удивительно похож на толстого неуклюжего щенка, свернувшегося на снегу и с легкомысленной игривостью взирающего на огромного и опасного человека.

Если бы это зависело от ЧП, он никогда бы не выбрал Город в качестве испытательной площадки. Что угодно, только не с такой топографией, удобной для блокирования войсками, и не с таким роялем в кустах, как гигантский химкомбинат.

ЧП не был злым человеком. То, что он собирался сделать с Городом, было для него всего лишь работой. Работой, которой он занимался последние тридцать лет.

– Прости, малыш, – пробормотал ЧП, адресуясь к «щенку». – Это не моя прихоть...

Феликс оторвался от планшета и с недоумением посмотрел на руководителя.

– Да так, просто мысли вслух, – пробурчал ЧП, запуская двигатель вездехода. – Хватит любоваться видами, поехали работать...

Глава 1

АЛЕКС ДОРОХОВ. С ПРИЕЗДОМ, Б...!!!¹

... – «Генеральный» слух звучит примерно так: Штатам отдают концессию на весь «Сентябрь» оптом, со всеми площадками, «дочками» и сопутствуют ними инфраструктурами. А это, почитай, весь город. И американцы якобы собираются свозить сюда токсины со всего мира и утилизировать их за огромные деньги.

– Хороший слух. Есть от чего кипеть и волноваться. Звучит вполне зловеще, а где-то даже с тенденцией к этакому местечковому апокалипсису.

– Хм... Звучит как бред.

– Почему как бред?

– Ну так это же как дважды два. Хотя да, признаю: для людей со стороны, не местных и не в теме, это может показаться вполне жизнеспособной концепцией.

– Кстати, интересный момент. Правильно говорят, надо почаще смотреть на проблему со стороны. Если кто-то реально генерирует слухи и всё это не просто цепочка случайных совпадений... Думаю, этот генеральный миф – «экспортного» порядка. Он направлен в основном на внешнюю аудиторию.

– А смысл? Зачем внешней аудитории наш заштатный городишко?

– Пока ничего сказать не могу. Будем работать – узнаем. Кстати, просветите, что такого неправильного в «генеральном» слухе?

– Да это долго... В общем, будете знакомиться с комбинатом – сами всё узнаете.

– А если коротко, в двух словах?

– Ну а если в двух словах, тут есть пара ключевых аспектов: характер производства и «семейственность».

– Если не секрет, можно чуть подробнее?

– Да какие уж тут секреты: это знает каждый местный житель. Видите ли, весь комбинат давным-давно поделен между несколькими АОЗТ, которые все без исключения принадлежат «Питерской команде». Декларативно они под контролем государства, но собственно государственными остаются только две лаборатории и Арсенал, это объекты «особого режима». Всё остальное – хозяйство «Семьи», так что о концессии даже и говорить не стоит. Вы же не сдадите другу собственную квартиру со всей утварью, чтобы он там складировал, допустим, экскременты и выпаривал из них натуральные удобрения? Хе-хе...

– А если друг очень хорошо заплатит? Допустим, двойную цену квартиры?

– Это если друг сумасшедший или просто некуда деньги девать. А если нормальный прагматичный пиндос – никогда в жизни. Видите ли, тут овчинка выделки не стоит, кругом будут тройные затраты. Комбинат целиком «заточен» под производство специфической продукции. Для перерабатывающего цикла нужно демонтировать всё оборудование и возводить проект с нуля. Так что будет в разы дешевле выкупить площадь в чистом поле, где-нибудь неподалеку от «железки» – у нас тут хватает укромных местечек – и там уже воздвигнуть базу по переработке. И с хранением «материала» проблем не будет, и с доставкой, и общественного резонанса можно избежать.

– То есть этот слух несостоятелен?

– Да я же говорю – это полный бред...

¹ С приездом б...!!! – скорее всего, здесь подразумевается «бояре», «баре», «богатыри» либо какое-то иное уважительное обращение к желанным и почётным гостям.

* * *

Здравствуйте, дорогие мои. Я Алекс Дорохов, штатный картограф подразделения «Бункер» Федеральной Службы по надзору за ВГОиК (Важными Государственными Объектами и Коммуникациями).

Служба наша осуществляет надзор за режимными объектами, а «Бункер» выполняет специфические задачи разной степени тяжести. На этом представление закончим и сразу перейдём к делу.

Суть текущей задачи доведу по ходу повествования (я сам пока толком не понял, чем нам предстоит заниматься в ближайшие дни), а по личному составу доложу прямо сейчас: пока что мы работаем втроём – Ольшанский, доктор Семён и ваш покорный слуга.

Стёпа и Юра сопровождают шефа, шеф убыл на ЧП (чрезвычайное происшествие) в один из стратегических центров России, а Спартак сидит на базе и ждёт команды на выдвижение с экипировкой «под задачу». Как только проведем рекогносцировку и определимся, чем предстоит заниматься, мы его проинформируем и он привезет нам всё что нужно.

Необходимое уточнение: если вам ни о чём не говорят приведенные выше имена, значит, ранее мы с вами не встречались. Это легко исправить: ознакомьтесь с содержанием предыдущих дел команды «Бункер» и все вопросы отпадут. Впрочем, если вам недосуг этим заниматься, ничего страшного, каждое дело команды – вещь в себе, индивидуальная работа на заданную тему, так что по ходу повествования вы легко вникнете в суть и познакомитесь с исполнителями.

Итак, приступим.

* * *

В областной центр мы прилетели тринадцатого января, в пятом часу пополудни. Шел легкий снежок, небо было сплошь затянуто серыми тучами плюс по дороге мы попали в крепкую «болтанку», так что настроение надёжно лежало на нулевой отметке.

Судя по некоторым признакам, коллеги испытывали примерно те же самые чувства. Прибавьте сюда совершенную неопределенность по части предстоящих задач, «тёплую» встречу, и в итоге получится общий для всей команды рабочий фон вот с таким примерно вектором: «Ну и какого дьявола мы сюда припёрлись?!»

В аэропорту нас встречал замначальника областного УФСБ Виктор Иванович Гордеев.

Гордеев решительно не вписывался в эталонный образ чекиста, взлелеянный в массовом сознании патристическими книгами и идеологически выдержанными фильмами (помните, наверное: этакий рыцарь без страха и упрёка, стройный, подтянутый, ироничный, хладнокровный и т. д.).

Это был низенький толстун с испуганным и злым лицом, неопрятной всколоченной шевелюрой, контрастно оттенявшей солидную плешь, и непроходимо застрявшим во взгляде отвлечением – к работе, к людям, ниспосланной этой работой, и, может быть, даже к самой жизни. Он был очень похож на железнодорожника Ванюкина из фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих» в блистательном исполнении Калягина, а когда при встрече здоровался с нами за руку, его короткое и невнятное «с приездом» по интонации больше соответствовало среднему арифметическому между «пошли в ж...» и «чтоб вы сдохли».

В общем, он был нам не рад и даже не пытался скрывать это.

Неплохое начало. С этим человеком нам работать как минимум несколько дней.

В VIP-секторе стоянки, рядом с тремя сверкающими внедорожниками класса люкс была припаркована чёрная «Волга» (ГАЗ-24-10), обшарпанная, древняя и неприглядная, как исто-

рия карательных органов. У меня сразу возникла мысль, что это такая бесхитростная постановка в формате «блеснуть перед столичными гостями чистотой и непорочностью». Смотрите, гости дорогие, на какой развалине мы катаемся, и делайте выводы: тут все правильные и честные, мзду не берем, про коррупцию знаем только из методических разработок, вкалываем исключительно за зарплату.

Возле «Волги» неспешно прогуливался мужчина лет тридцати, в драповом пальто и изрядно траченном пыжиковом треухе. Завидев нас, он трусцой припустил через дорогу и скрылся в расположенном справа от аэровокзала мини-маркете.

– Что за... – насторожился Ольшанский.

– Это наш, – успокоил Гордеев, открывая багажник. – Всё по графику.

Побросав сумки в багажник, мы хотели было сесть в салон, но Гордеев неожиданно спросил:

– Нормальные ездуны есть?

Спросил требовательно, напористо: подразумевалось, очевидно, что если таковых ездунов среди нас не окажется, то мы с ходу завалили какой-то тайный тест на профпригодность.

– Насколько нормальные? – уточнил доктор.

– На «полицейский разворот». По зимнику.

– Думаете, до этого дойдёт? – удивился Ольшанский.

– Обязательно дойдёт, – обнадёжил Гордеев. – Чего спросил: в общем-то, я и сам могу, но... на сухом асфальте. А там будет каток с буграми.

– Сделаем. – Доктор оживленно потер ладони и без приглашения полез за руль. – Движок форсированный?

– Обязательно, – кивнул Гордеев, занимая место рядом с водителем и непринуждённо переходя на «ты». – Уверен, что сделаешь «полицейский разворот» на «зимнике»? Гели за обочину вылетим, там сугробы по горло, без эвакуатора не вылезем.

– Сделаем, – уверенно заявил доктор, поворачивая ключ в замке зажигания. – Только предупреди заранее, чтоб в маневр без рывков войти.

* * *

Двигатель «Волги» тянул оборотисто и солидно, словно под капотом сидел приличный дизель, мы быстро разогнались и помчались к городу (аэропорт здесь расположен на выносе, километрах в пятнадцати от городской окраины).

Не успело здание аэровокзала скрыться в слабенькой снеговой завесе, Гордееву кто-то позвонил. Выслушав абонента, чекист с мрачным удовлетворением пробурчал «да кто бы сомневался!» и, посмотрев поочередно в верхнее и боковое зеркала, задал вопрос в пространство:

– Ну что, гости дорогие... «хвост» видим?

Доктор вопрос проигнорировал, Ольшанский делано зевнул, а я с умным видом уставился в зеркало. На магистрали было довольно оживлённое движение, в такой обстановке вот так с ходу вычислить «хвост» непросто даже опытному оперативнику. Однако каких-либо явных признаков «несанкционированного сопровождения» я не обнаружил (например, попыток подстроиться под скоростной режим «объекта», или видимого невооруженным глазом телеметрического оборудования), поэтому добросовестно ответил:

– Нет, не видим.

– А он есть! – уверенно заявил Гордеев.

Ольшанский протер перчатками запотевшее заднее стекло, бегло оценил дорожную обстановку и сообщил:

– Вон тот светлый седан: восемьдесят метров, второй ряд.

– Точно. – В тоне Гордеева негромко звякнула уважительная нотка, и он с интересом посмотрел в зеркало на Ольшанского. – Как определил?

– А что, есть другие варианты? – Ольшанский пожал плечами. – Это единственный кандидат.

Такой ответ Гордеева вполне удовлетворил, а меня – нет. На мой взгляд, за нами катят десятка полтора таких кандидатов, и любой может с равным успехом претендовать на роль соглядатая. Однако в присутствии постороннего я этот вопрос озвучивать не стал, просто сделал себе зарубку на память: на досуге попытать Петровича насчёт методики определения «хвостов» в сложной дорожной обстановке.

А вот по поводу самой ситуации не удержался. Согласитесь, вопрос вполне животрепещущий и актуальный:

– Виктор Иванович, а это, вообще, нормально, что за вами «хвост»?

– Ты хотел сказать «за нами»? – уточнил Гордеев.

– Нет, именно «за вами». За нами-то – ладно, мы приезжие, интересные, непонятные...

А вот вы – замначальника УФСБ. И за вами «хвост»? На вашей же «земле»?! Как по мне, так это вообще верх наглости.

– Согласен, – кивнул Гордеев, даже не попытавшись брызнуть амбициями. – Обнаглели вконец, дальше некуда. Когда в первый раз заметил, сам был в шоке. Просто поверить не мог. Думал сначала... гхм... Думал – может, с перепоею померещилось?

– И давно? – спросил Ольшанский.

– Перепой? С Нового года. Даже раньше, с католического Рождества.

– Да ладно, это общенациональное, можно сказать, системное, так что ничего страшного, – бодренько вернул доктор.

– Я про «хвосты». – Ольшанский соорудил служебную физиономию.

– Это, вообще, шутка такая была, – засмущался Гордеев. – Хе-хе... Не получилось? Ну да ладно. «Наружку» позавчера заметил. А вообще, вся эта непонятная «движуха» началась перед Новым годом.

– А почему, в таком случае, «сигнал» пошел только позавчера? – спросил доктор.

– Потому что до позавчера всё было просто «непонятное», – шумно вздохнул Гордеев. – А позавчера началось «странное».

– Например?

– «Наружка» – не странное?

– Ну, в общем... А ещё?

– Ещё... Гхм... Начальник мой пропал.

Ольшанский с доктором переглянулись, и у обоих натурально вытянулись физиономии. Нормальная реакция. Не каждый день, знаете ли, пропадает начальник УФСБ области.

– А почему тогда в сводке об этом – ни слова? – обескураженно уточнил Ольшанский.

Гордеев дал разъяснение по ситуации: начальник в отпуске. Он заядлый рыбак и охотник, тут в окрестностях есть где разгуляться в этом плане, так что частенько катается с друзьями на сафари. Бывает и так, что отсутствует по два-три дня кряду. Но вот нюанс: в машине его оборудована спутниковая связь, так что до недавнего времени с ним можно было пообщаться буквально в любой момент из любой точки земного шара. Работа такая, по-другому нельзя.

А в этот раз начальник уехал на охоту и больше суток не выходит на связь. Шум подымать не стали, мало ли – праздник, каникулы, нирвана, декаданс, решили сначала разобраться своими силами и неофициально отправили три поисковые группы. Результатов пока нет, но вполне отчетливо прослеживается некая нездоровая тенденция. И чутьё подсказывает Гордееву, что будут эти результаты либо неприятными, либо совсем страшными.

Учитывая тот факт, что на неделе в соседних регионах почти одновременно случились три громких и масштабных ЧП, Гордеев не стал дожидаться, когда всё станет совсем плохо, и

на всякий случай решил подстраховаться: в формате плановой профилактики по «Красному Коду» (признаки подготовки к насильственному свержению Государственной Власти и саботажа функционирования Органов Управления) запросил помощь из центра. Ждал, что пришлют бригаду матерых «центровых» оперативников из родного ведомства... И маленько промахнулся. Все полезные люди из родного ведомства обслуживают вышеназванные ЧП, так что прислали прокурора, психиатра и картографа (это Олышанский, доктор и ваш покорный слуга) из не пойми какой недавно созданной службы.

А получилось так потому, что директор этой службы входит в состав Особого Комитета, который как раз курирует всё, что связано с «Красным Кодом». Кроме того, вся нездоровая возня последних двух недель происходит преимущественно в одном из промышленных городков областного подчинения. На территории этого городка располагается крупнейший в России химкомбинат «Черный Сентябрь» с «площадками» особого допуска, а это прямая юрисдикция нашей службы.

Вот, собственно, и все предпосылки нашей командировки. Вот вам и объяснение, отчего нас встретили без должного радушия.

Не нас ждал Гордеев.

Не гости ему тут нужны, тем более из сторонней Службы, а коллеги, мастера-оперативники, которые помогут быстро разобраться со всеми странностями и недоразумениями нынешних «новогодних каникул».

* * *

Добравшись до пригорода, почти сразу съехали с магистрали на примыкающее шоссе, дважды повернули и оказались на неширокой улочке частного сектора.

Гордееву опять кто-то позвонил, он ответил «ага, понял... понял...» и скомандовал:

– Пристегнитесь.

Мы послушно пристегнулись.

Здесь был обещанный «каток», слегка присыпанный свежим снежком. Очевидно, централизованное коммунальное обслуживание до этих мест не дошло, каждый хозяин самостоятельно чистил свой выезд, а дорогу окончательно не занесло только потому, что по ней регулярно катались – в том числе и на санях, судя по недавним следам полозьев.

– Здесь? – спросил доктор.

– Чуть дальше. – Гордеев ткнул пальцем в лобовое стекло. – Метров через пятьсот будет пустырь, там и развернемся.

Доктор дважды притормозил, проверяя, как «Волга» держится на дороге: сначала на малой скорости, потом, немного разогнавшись, ещё разок, с ощутимым заносом, удовлетворённо буркнул «пойдёт» и прибавил ходу.

Мы уже приближались к пустырю, когда в двухстах метрах сзади возник тёмный силуэт внедорожника.

– А вроде быт светлый седан? – напомнил Олышанский. – В «два лица» ведут?

– Точно, – кивнул Гордеев. – Грамотные, мерзавцы. Моя школа.

Затем он позвонил кому-то и сказал одно слово: «Приготовились».

– Что делаем после манёвра? – уточнил доктор.

– Тараним со сносом на обочину, – не стал скромничать Гордеев и испытующе глянул на доктора: – Сделаем?

– Сделаем, – небрежно кивнул доктор.

Гордеев хмыкнул и покрутил головой. Ему явно нравилась уверенность нашего доктора. Мы въехали на пустырь, и тут Гордеев, спохватившись, спросил, есть ли у нас оружие. Вовремя. Спросил бы ещё в момент захвата – вообще было бы здорово.

Ольшанский ответил за всех, что оружия у нас нет, и, как бы оправдываясь, добавил: это не потому, что мы беспечные оболтусы, а просто по обстановке. Мы ведь сюда прибыли не воевать, а собирать слухи и проводить рекогносцировку.

– Ясно. – Гордеев жестом фокусника извлек из-за пазухи ПСМ². – Могу поделиться, у меня «запаска» есть. Кто будет ассистировать?

Ольшанский молча кивнул в мою сторону.

Гордеев протянул мне пистолет, я проверил наличие патронов и уточнил:

– Как работаем? Профилактика или «на снос»?

– Никаких «сносов»! – Гордеев неодобрительно покосился на меня и счёл нужным уточнить: – Только пугать, в крайнем случае бить, если будут сопротивляться. Это, вообще, свои. Наказывать будем.

– Ясно.

На пустыре дорога была совсем плохая, сплошь бугорки и колдораки. Вдобавок ко всему, справа, в пятнадцати метрах от обочины тянулся глубокий овраг. Если снесет на ту сторону и сугробы не задержат, будет совсем нехорошо.

– Можно! – скомандовал Гордеев.

Тотчас же завизжали тормоза, нас понесло вправо, резко разворачивая вокруг своей оси, и я рефлексивно зажмурился, вспучив ауру клубком запоздалых сомнений. Зря доктор согласился на эту авантюру, ой зря, сейчас как грохнемся в овраг...

Доктор, однако, не подкачал – он гонщик со стажем почти в мою жизнь, так что и здесь справился блестяще: «Волга» развернулась на 180 как по циркулю, ни одним колесом не выскочив за обочину, взвыла мотором и рванула обратно, навстречу нашим соглядатаям.

– Ухты! – оценил Гордеев. – Силён, бродяга...

Тёмно-зеленый «Сузуки» принял влево, вежливо пропуская нас, но маленько не угадал. Волга смачно поцеловала внедорожник в правое крыло и спихнула его на обочину. Сугробы тут, как и предупреждали, были глубоки и надёжны, «Сузуки» сильно накренился на левый борт и наполовину утонул в снегу.

– Пошли! – скомандовал Гордеев, и мы все разом выскочили из машины.

В «Сузуки» было двое: бледный худощавый товарищ под сорок и багровый от избытка чувств крепыш примерно моего возраста, лет двадцати пять или около того.

От неожиданности они не успели заблокироваться, так что бить стёкла не пришлось. Я распахнул дверь, сунул ствол в салон и грозно приказал:

– Руки в гору! Да, хорошо: держите свои ручонки так, чтобы я их видел. Выходим по одному, плавно, без резких движений.

Товарищи покинули салон, но в позицию для обыска не встали – хотя я и скомандовал – а замерли по стойке «смирно», повернувшись к Гордееву.

Я хотел было прибегнуть к грубой силе, но Гордеев жестом показал: не надо, и так обойдёмся.

Между тем в той стороне, откуда приехал «Сузуки», показались ещё две машины. Ольшанский указал на них, однако чекист буркнул «это наши» и подошел вплотную к задержанным.

– Ну что, ренегаты хреновы... – Гордеев сунул пистолет в оперативку и сделал мне знак, чтобы опустил ствол. – Мне кто-нибудь объяснит, что это за странные движения такие?

«Ренегаты» опустили головы и синхронно шмыгнули носами, как проштрафившиеся отличники, на ровном месте отхватившие двойку.

² Пистолет самозарядный малогабаритный под патрон 5,45.

– Виктор Иванович, вы нас неправильно поняли! – Худощавый попробовал сделать честные глаза – получилось из рук вон, наверное, мешала неоощуемая мною харизма Гордеева. – Мы просто по делам ехали...

– А ты что скажешь? – спросил Гордеев молодого.

– Так точно, товарищ полковник! – Крепыш старательно выпучил глаза и верноподданнически рывкнул: – Вы неправильно поняли! Мы тут просто...

– Молчать! – вызверился Гордеев. – Не смей мне врать, а то в подвал спущу! Кто вас «зарядил» шпионить за мной?

– Вы неправильно поняли... – заканючил худощавый. – Мы просто ехали к моей тёще...

– Может, допросим в режиме «Б»? – предложил я.

– А сумеешь? – Гордеев с интересом уставился на меня.

Скажу сразу: я такими вещами никогда не занимался, но... я видел, как это делается. А сейчас предложил такой вариант просто для того, чтобы надавить на задержанных. Мне почему-то казалось, что раз они свои, то всё это несерьезно, сейчас немного надавить – и запросто расколются, сугубо по-свойски. Нужно лишь небольшое усилие. Поэтому я тщательно выбрал интонацию и примерно так же, как доктор при обещании «полицейского разворота», уверенно и важно кивнул:

– Сделаем.

– Замечательно, – одобрил Гордеев. – Ну что, сучьи дети... Сами покайтесь или отдать вас столичным живодерам?

Я покосился на коллег: доктор с Олышанским дружно смотрели в серое небо, чтобы не портить впечатления рефлексиями по поводу «столичных живодеров».

Крепыш втянул голову в плечи и, как мне показалось, перестал дышать.

– Виктор Иванович... – Худощавый с отчетливой тоской посмотрел на меня и нервно сглотнул. – Ну не в чем нам каяться! Я же говорю, вы неправильно поняли...

Тут подъехали ещё два внедорожника, из них высыпали несколько крепких мужчин среднего возраста и испортили торжественность момента недоуменными возгласами в формате «опаныси, гля, кто тут у нас за «хвостов»?».

– Забирайте, – скомандовал Гордеев прибывшим сотрудникам. – Работайте. Мордовать особо не надо, но... Чтоб через час мне доклад: какого чёрта они тут делали. Не будет результата – отдам их москвичам...

* * *

Мы пересели на служебный «Патрол», «Волгу» с подбитым «глазом» и помятым бампером передали сотрудникам и, спровадив конвой с чекистами-ренегатами, поехали в центр города.

По простоте душевной я полагал, что на этом наши сегодняшние приключения закончились. Дело к вечеру, пора в гостиницу, обустроиваться, немного отдыхать после перелета, планировать праздничные мероприятия.

Сегодня старый Новый год, праздник-парадокс, милый сердцу каждого резидента нашей Страны, так что грех пропускать такое событие, тем более в командировке. Надеюсь, Гордеев сменит гнев на милость и порекомендует нам приличный ресторан без драк и стрельбы, желательно с каким-нибудь специфическим местным колоритом.

Увы, я не угадал. Ввиду сложившейся нездоровой обстановки Гордеев не собирался оставлять нас в областном центре и предупредил, что приключения, собственно говоря, ещё и не начинались.

– У меня задача: обеспечить вам полную конфиденциальность и плотное прикрытие на всё время работы. Если поселитесь здесь в гостинице, вас сразу возьмут под «контроль». Так что потерпите маленько, сейчас «колёса перекинем» и сразу выдвигаемся в конечный пункт.

В центре города мы поменяли машину. Заехали в глухой двор, пересели на тёмно-синий «Nissan X-Trail», а «Патрол» сдали с рук на руки мужчине в пыжике – тому самому, который давеча гулял на парковке у аэровокзала.

«Патрол» выехал со двора первым, спустя полминуты мы на «X-Trail», за нами с интервалом в сотню метров пристроился выдавший виды «Опель».

– Это наши?

– Это «сентябрьские», – пояснил Гордеев. – Это ваша «пристяжь» на всё время работы. Они у вас в оперативной подчинении, познакомитесь по прибытии на место.

В таком составе и покатали к выезду из города, регулярно меняя скоростной режим и проверяясь на предмет наличия враждебного внимания.

А наш «железнодорожник Ванюкин», оказывается, вовсе не так прост, как кажется. Всё продумал и предусмотрел, встречу и «вывод» группы из-под «опеки» разыграл как по нотам. Приятно работать с таким специалистом. Был бы ещё немного поприветливее – цены бы ему не было.

* * *

Выехав из города, мы направились на северо-запад, к затаившемуся в закатных сумерках Городу, расположенному в полусотне километров от областного центра.

По дороге Гордеев в общих чертах ввёл нас в курс событий и рассказал о некоторых местных особенностях. Предполагалось, очевидно, что мы прямо с колес начнём строить планы и закладывать алгоритм работы.

Ага, щас! Не знаю, как старшие коллеги, а я слушал вполуха, временами подрёмывая и отвлеченно размышляя насчёт организации праздничного вечера.

Доклад Гордеева условно можно было разделить на две составляющие: «слухи» и «возня» (для любителей терминологии последнее слово можно заменить на «движение» или «активность»).

С генеральным слухом вы уже знакомы: наши жадные и беспринципные вожди отдают коварным америкосам «Чёрный Сентябрь», а к нему в придачу в качестве бесплатного бонуса – весь город.

За генеральным, как флотилия в кильватере за флагманом, тянулся целый выводок слухов помельче, один другого краше и страшнее. Вполне перспективные и реалистичные модели в этой флотилии гармонично уживались с невероятными и фантастическими, а некоторые прямо противоречили друг другу, однако это не мешало им сохранять устойчивость и плавучесть.

Не буду заниматься сортировкой и анализом, просто дам одним пакетом всё, что услышал, а вы уже решайте сами, что тут реалистично, а где фантастика.

Итак, слухи:

– Всех горожан поголовно уволят – с химкомбината, приданных обслуживающих предприятий и «площадок»;

– Город будет ликвидирован, на его месте устроят «закрытую зону», где будут трудиться американские специалисты;

– Для подавляющего большинства горожан химкомбинат и полученные от него квартиры – это всё, что у них вообще есть в жизни. В связи с этим понятно, что добровольно никто уезжать отсюда не собирается. Так вот, для того чтобы не платить компенсации и в массовом порядке не выкупать у людей квартиры (пусть даже и по бросовым ценам), Власть создаст

все условия для того, чтобы жители сами бежали из города – вплоть до тайного применения биологического оружия и БОВ (боевых отравляющих веществ), которых в Городе столько, что хватит десятикратно отравить всю Страну;

– Грязные игры с «Чёрным Сентябрём» – это вовсе не сиюминутная забава, всё спланировано ещё при Горбачёве, сценарий разработан аналитиками ЦРУ, и вот с тех самых пор на жителях города... ставят генетические эксперименты. Именно поэтому в окрестных посёлках скопилось столько алкоголиков и наркоманов, лентяев и бездарей, а также некрасивых людей и откровенных уродов. В самом-то Городе люди вполне приличные, но вот в окрестностях... Дураку понятно, что без экспериментов тут не обошлось! Перспектива же такова: когда наступит время «Ч», все эти жертвы эксперимента, зомбированные на определенный алгоритм, восстанут против «нормалов» и в Городе будет жуткая бойня.

Вывод: люди, будьте бдительны! Не доверяйте чужим и пришлым! В соседнем населенном пункте или даже прямо в вашем пригороде через пару кварталов тихо ждёт своего часа Пятая Колонна интервентов...

– На самом деле никто никого выгонять не будет. Просто пустят усыпляющий газ, а когда все уснут, прибудет эшелон с трансплантологами, которые произведут массовый «забор» всех подряд органов, а тела потом пустят на удобрения. Нет, жестокость тут ни при чём: это обычный американский практицизм, мало того что сэкономят на компенсациях и выплатах за жильё, так ещё и денег заработают, за совокупный «ливер» горожан выйдет очень даже кругленькая сумма.

Вот вам основной пакет. Все прочие слухи примерно в том же формате, с небольшими разночтениями и противоречиями, что позволяет с ходу предположить: пакет от одного производителя, работающего в чётко очерченном диапазоне по смутно угадываемому сценарию, конечной целью которого является...

А вот тут и возникает закономерный вопрос: зачем, вообще, вся эта идиотская активность затевалась?

Вот это нам с Гордеевым и предстоит выяснить в течение ближайшего времени. Да, я не оговорился, именно «нам с ним», а не наоборот, хотя нас тут всего трое, а у него за спиной целая Служба. Сами видели, завелись в тутошней Службе коварные ренегаты, и пока что неясно: это только те, кого нам удалось отловить, или есть ещё некий «кадровый резерв»? Так что совершенно очевидно, что Гордеев всё бросит и в ближайшее время будет заниматься чисткой рядов, а со слухами нам предстоит разбираться самостоятельно, и хорошо, если получим хоть какую-то посильную помощь.

Да, всё это очень занятно и актуально, но... Интересно, у них тут есть приличные ночные клубы, в которых не бьют столичных гостей? Меня так и подмывало навести справки, но, закончив со слухами, Гордеев без паузы перешел к «возне», так что задавать такого рода вопросы было неловко.

Итак, наряду с генерацией всевозможных слухов неведомые затейники организовали в Городе ряд мероприятий, результаты которых можно было обнаружить в местной Сети, воочию наблюдать «в реале» и даже пощупать руками.

В Сети висели многочисленные опросы с общей тематикой «Готов ли ты защитить свой дом и семью от интервентов и происков продажной власти?», на недавно образованных ресурсах сурвивалистов (проще говоря, выживальщиков) всерьёз и подолгу обсуждались варианты действий в формате оккупации Страны в целом и Города в частности, а также вдумчиво и тщательно муссировались алгоритмы выживания в случае применения БОВ (боевых отравляющих веществ), и не «где-нибудь, когда-нибудь», а конкретно в Городе и окрестностях, во второй половине зимы. Никакого экстремизма и конкретных призывов там не было, но, согласитесь, такая удручающая конкретика несколько настораживала.

– А ваш «Сентябрь» производит БОВ?

– В промышленных масштабах. В частности, это один из крупнейших поставщиков фосгена и хлора для всей страны...

На тех же ресурсах обсуждались грамотные подборки фактов преступного отношения Власти к собственному народу – и разумеется, как вы уже наверняка и сами догадались, с плановым уклоном в боевую химию. Отдельный ресурс был посвящен труду доктора химнаук Льва Александровича Фёдорова «Химическое вооружение – война с собственным народом». Как и все прочие ресурсы подобной направленности, сайт был создан в конце прошлого года, с применением технологий наподобие Tor (The Onion Router), пользовался большой популярностью и мог похвастать отменной посещаемостью.

Я укрдкой зевал. Вот же незадача... Такими темпами мы до реально важных проблем никогда не доберемся! Интересно, водятся ли в местных палестинах симпатичные девчата без особых комплексов? Надо будет всесторонне исследовать этот вопрос...

Помимо сетевых экзерциций какие-то затейники активно распространяли в Городе различные брошюры на вышеназванные темы, причём с явно «сопротивленческим» уклоном, а в книжных магазинах вроде бы «спонтанно», но с какой-то нездоровой регулярностью вспыхивали акции: за смешные цены продавали книги по тематике ВП (если кто-то подумал про Президента – не угадали, здесь подразумевается такое скорбное явление глобального порядка, как Всеобщий П...ц, да простят мне дамы мой французский).

– Вот, полюбуйтеесь...

Я так понял, что «Х-Trail» был личной машиной Гордеева. Он вел себя здесь по-хозяйски, в частности, не глядя открыл «бардачок», в котором была разнообразная печатная продукция и пара кулчков конфет «Коровка».

– Конфеты тоже распространяют? – любопытствовал я.

– Конфеты мои, угощайтесь. – Гордеев хмыкнул. – Кстати, дельная мысль. Конфеты всегда популярнее брошюр, но... почему-то никто до этого не додумался.

– А зря, – поддержал доктор. – Можно было бы немало юного «электората» поднять такими акциями...

Коллеги стали листать брошюры, а я взял книги (их там было всего две): «Живодёр» Аркема Бель-Ядери и первый том из цикла «Эра Дохлых» Эндрю Круизера.

Гордеев сказал, что с брошюрами, в принципе, всё ясно: это бесхитростные агитки за «активную позицию, бдительность и ответственность человека за свою жизнь и жизни близких перед лицом возможных катаклизмов». Возможных, обратите внимание. Нигде не говорилось, что всё начнётся завтра с утра, именно у нас в Стране, авторы брошюр просто предупреждали, что надо пребывать в готовности и с утра до вечера бдеть. Дабы не проспать.

Распространителей периодически хватили под белы ручки и предметно общались, но это была сплошь местная молодежь, которой кто-то давал индивидуальные оплачиваемые задания – собственно инициатора поймать пока что не удалось.

– Да и не ловили всерьез, честно говоря. Как-то не было веского повода, чтобы всем резко подпрыгнуть и заняться: до недавнего времени всё было на уровне детских шалостей...

На книгах Гордеев особо не заострялся, пролистал за пять минут каждую и сделал вывод: одна – матерщинный боевик, другая – ужастик про зомби. Зачем их включают в акции, он так и не понял. Вроде бы ничего такого «горячего» по тематике слухов там нет, а вдумчиво читать и вылавливать крамолу между строк совершенно недосуг: наш чекист по нормальному (не по служебной необходимости) книги не читал уже лет двадцать, без уважительной причины заниматься такими глупостями не собирается и подчинённых принуждать не станет, им и без того есть чем развлечься.

Затем он спросил, не читал ли эти книги кто-нибудь из нас или наших знакомых.

Старшие коллеги индифферентно пожали плечами, а я для пущего эффекта взял небольшую паузу и неожиданно для всех выступил в роли эксперта по предъявленным книгам. В своё

время я внимательно прочёл обе, причём с изрядным интересом, и теперь мне было что сказать – как раз по специфике местных «новогодних каникул».

Я сообщил коллегам, что это вовсе не «боевик» и «ужастик», как может показаться при беглом ознакомлении. Обе книги с некоторыми оговорками и натяжками можно считать инструкцией по выживанию в условиях пресловутого ВП, и они (книги) являются едва ли ни лучшими среди себе подобных в этом формате. Затем я в тезисной форме изложил общие идеи книг и зачитал по одному отрывку из каждой.

Идеи там простые и во многом схожие, несмотря на разное авторство:

– Власть плевать на Народ, она в любой момент может его продать (не «предать», а именно «продать» – за деньги);

– Если Народ подымает бучу по факту продажи, Власть закономерно даёт команду на выборочный отстрел Народа, а в очагах особо упорного Сопротивления легко и непринуждённо прибегает к методике массового уничтожения;

– Человек человеку – волк. В случае внезапного наступления ВП все мирные граждане быстро превращаются либо в стадо, либо в стаю, так что вменяемый самодостаточный человек может рассчитывать только на самого себя, своих близких и друзей, в общем, на проверенных людей. Поэтому при малейших признаках наступления ВП надо немедленно объединяться в бое-способные группы, запастись всем необходимым для выживания (читай – мародерствовать), искать удобное место для «базы» и превращать его в крепость;

– Власть – это явный враг, поэтому при наступлении ВП (инспирированного как раз таки этой самой Властью) нужно быть готовым к прямому противостоянию с представителями Вла-сти и воспринимать их однозначно как Врага;

– Некоторые военные, не вовлечённые в тотальную схему коррупции, могут быть пра-вильными ребятами. Явный признак правильности: эти военные походя отстреливают разных «беспредельщиков», а также публично казнят своих продажных собратьев и представителей Вла-сти. Так что к ним (военным), в случае чего, можно примкнуть для эффективного совмест-ного выживания в условиях ВП.

По мере того как я делился книжными идеями, у доктора с Петровичем в глазах появ-лялся интерес, а Гордеев всё больше хмурился и мрачнел.

В завершение я с интонацией и не без злорадства зачитал по эпизоду из каждой книги. Для вящей наглядности выбрал сцены казни: в обоих случаях действовали правильные воен-ные, только в одном был расстрелян военный начальник-предатель, а в другом – высокопостав-ленный представитель Вла-сти (и тоже, разумеется, предатель и мерзкая сволочь, чтоб читателю не было его жалко).

– Ни хрена себе... Вот это манускрипты! – простецки резюмировал Гордеев. – Это что же... это у нас ТАКОЕ спокойно продают в книжных магазинах?

– Причём очень хорошими тиражами, – обнадёжил я. – И обе книги пользуются у народа большой популярностью. Так что если кто-то в Городе их до сего момента ещё не читал, после этих акций буду читать все. Читать и... хмм... принимать к сведению. Особенно в части, каса-ющейся обращения с Властью.

– Сегодня же поставлю задачу, чтобы прочли всё до буковки и сделали анализ, – пробур-чал Гордеев, отнимая у меня книги и пряча их в «бардачок». – Черт-те что... Разве можно такие вещи – народу? Ещё бы оружие разрешили продавать, вообще было бы здорово...

* * *

Когда мы уже подъезжали к Городу, Гордееву позвонили. – Слушаю... Угу... Что?! Что за идиотские шутки?! Погоди-ка...

Гордеев резко сбавил скорость, съехал на обочину и, окончательно остановив машину, покинул салон. Дальнейший разговор происходил на улице, судя по интонации и отдельным репликам, можно было понять, что случилось нечто экстраординарное.

Переговорив, Гордеев вернулся на своё место и сообщил нам о происшествии.

– Только что было совершено нападение на конвой с «ренегатами».

– Обалдеть! – бесхитростно отреагировал Петрович. – Интересные у вас тут обычаи...

Ренегатов отбили, увезли в неизвестном направлении, конвой крепко помяли, но, слава богу, никого не убили. Нападение было дерзким и вроде бы безрассудным, но если вдуматься... В сотне метров от Управления, в многолюдном месте, внезапно: сотрудники и предположить не могли, что случится такая вопиющая наглость, так что никто не успел вытащить оружие. А если бы и успели – вокруг люди, десять раз подумаешь, прежде чем стрелять.

– В общем, набили морды, забрали, юркнули во двор – и с концами...

Гордеев выглядел на удивление спокойным, сильных рефлексий не проявлял, но чувствовалось, что он крепко на взводе и очень хочет немедленно заняться чем-то полезным. Например пострелять, на худой конец, просто побить кого-нибудь ногами и поорать благим матом. Во взгляде его поселилась угрюмая кровожадность, левая рука нервно тискала телефон, правая нырнула за отворот дубленки и, судя по характерному положению, нянчила рукоять пистолета.

– Что ж, давай тогда дальше мы сами. – Петрович кивнул на остановившийся впереди «Патрол». – Я бы тоже всё бросил и помчался...

Тут Гордееву опять позвонили. Он ответил, пробурчал нам «одну минуту» и, вновь покинув салон, принялся разгуливать за машиной, общаясь с абонентом и активно жестикулируя.

Пока Гордеев утаптывал снежок на обочине, напряжённо общаясь по телефону, мы коротке обменялись мнениями.

– Ну что, коллеги... – на правах старшего группы спросил Петрович. – Какие впечатления?

– Похоже, что полным ходом идёт подготовка к какой-то непонятной пакости, – высказался я.

– А конкретнее? – Петрович «сделал стойку» и привычно ухватился за слово. – К какой именно пакости?

– К непонятной, – повторил я.

– А если без иронии?

– Да ну, какая тут ирония? Совершенно непонятно, к чему, вообще, вся эта возня.

– Версии?

– Никаких! Даже каких-то отдалённых предположений нет. Но, согласитесь, похоже на подготовку к чему-то такому... Гхм... Непонятному, в общем.

– Похоже, – согласился доктор. – А ещё это похоже на тривиальные клановые разборки и... обычный Новогодний Бардак. В последней декаде декабря все поднатужились, выложились, подвели итоги уходящего года и дружно ушли в загул. И две недели отрываемся так, что дым коромыслом.

– Генерируем слухи, раздаём агитки и проводим опросы на тему «если завтра война»? – усомнился Петрович. – Странный какой-то «дым», не находите? Алекс, что в твоём понятии «дым коромыслом» применительно к новогодним каникулам?

– Пьём до упаду, громко и скандально гуляем, с горки катаемся, деремся, бюстгальтеры рвём в клочья, пиротехнику жжём. Примерно так.

– Да, вот это нормальный такой «дым», – одобрил Петрович. – Вполне в духе традиций. А тут...

– «Сетевая зависимость», – подсказал доктор. – В такой замысловатой, чудно-провинциальной форме.

Не уловив понимания в наших взглядах, доктор пояснил: за последние годы в Стране выросла целая формация, которая буквально живет в Сети. Она (формация) без Сети не может, Сеть для неё стала своего рода образом жизни. То есть и куролесят «юниты» этой формации тоже в Сети и «дым коромыслом» устраивают в Сетевом формате. А различные несетевые акции, агитки и прочие флэш-мобы – это всего лишь рудиментарные проявления. Всё-таки обитатели Сети – это люди, с руками-ногами, так что некоторые вещи делают по старинке, «в реале».

– Ненавижу этих офисных хомяков, – пробурчал я. – Из-за них мы вымрем как вид.

Доктор профессионально заметил, что ненависть крайне разрушительно действует на психику ненавистника, так что не стоит жечь себя вредными эмоциями и понапрасну волноваться, ибо собственно Виду ничего не угрожает. Нас как нацию просто заместят более жизнеспособные соседи, которые за неимением времени в Сети не бывают и с утра до вечера функционируют исключительно «в реале»: трудятся, воюют, грабят, с энтузиазмом занимаются экспансией и аннексией и при этом очень активно размножаются, в том числе и с нашими самками.

То есть Вид в любом случае уцелеет, только уже без нас.

– Итого получается пятьдесят на пятьдесят, – резюмировал Петрович, вернув общий поток сознания в русло темы. – Всё, что здесь происходит, может с равным успехом быть как подготовкой к «какой-то непонятной пакости», так и традиционными клановыми разборками вкупе с «Новогодним бардаком». Вывод, как видите, практически нулевой. Но ничего другого у нас пока что нет. Что скажете, коллеги?

– То есть все согласны, что вероятность подготовки к «какой-то непонятной пакости» достигает пятидесяти процентов? – продолжал я гнуть свою линию. – Пятьдесят процентов... это очень высокая вероятность. То есть нам нужно плотно настраиваться на это направление и как можно быстрее начинать его отработку.

– Разумно, – согласился доктор. – Однако от нас здесь мало что зависит. Нас всего трое, а для масштабов проблемы это считай что ноль. В этой связи – как мы себя видим в плане «отработки направления»?

Петрович сказал, что по этому поводу, собственно, и поднял вопрос: хотел сверить впечатления. Не поворачивая головы, Петрович показал взглядом в сторону нервно разгуливавшего по обочине Гордеева и, понизив голос, поделился сокровенным: увы, как это ни прискорбно, но НБ (Новогодний Бардак) влияет не только на несознательную часть населения, а также на надежду и опору Государства в лице местных чекистов. Судя по тому, что мы наблюдаем, в стройных рядах последователей Чугунного Феликса происходят какие-то нешуточные катаклизмы. В связи с этим все дела закономерно отступают на второй план, в том числе и отработка каких-то диких версий наподобие «подготовки к непонятной пакости».

Иными словами, не стоит рассчитывать, что местные окажут нам какую-то действенную помощь. По крайней мере, до тех пор, пока окончательно не решат внутриведомственные проблемы.

– В связи с этим возникает дилемма. – Петрович озабоченно нахмурился. – Что будем делать, коллеги? Бьём тревогу и рекомендуем «полный пакет» по «Красному Коду»?.. Или ждём развития событий и пытаемся разобраться в обстановке своими силами? Хотелось бы услышать веские доводы в пользу каждого варианта.

С первого взгляда может показаться, что дилеммы-то никакой и нет. Для того чтобы принимать какое-то ответственное решение, нужно в любом случае тщательно ознакомиться с обстановкой, собрать и проанализировать как можно больше информации и только после этого делать далеко идущие выводы.

Небрежность здесь будет непростительна. Полномочий на запрос «полного пакета» у Петровича нет, но наш шеф Владимир Аркадьевич Домовитый к рекомендациям «важняка» непременно прислушается.

А вот у него (у шефа) как раз такие полномочия имеются, поскольку он входит в состав Особого Комитета, ведающего всем, что касается «Красного Кода». Более того, действующих членов Комитета осталось всего трое, остальные до начала событий выбыли по разным причинам (в частности, двоих убили на рождественском балу у Голденбергов), так что шеф теперь там вроде как даже за Председателя, если я ничего не путаю.

Учитывая тот факт, что недавно в трёх регионах России одно за другим случились глобальные ЧП (Чрезвычайные Происшествия), содержащие ряд признаков «Красного Кода», и на одном из таких ЧП наш шеф как раз сейчас и работает, нетрудно предположить, какова будет реакция на подробный доклад с правильно поданными фактами.

В «верхах» сейчас все нехорошо возбуждены, настроены решительно и готовы с ходу дать залп на любой подозрительный шорох.

Так что если Петрович даже просто изложит всё, что мы узнали и увидели, и добавит пару логически вытекающих из общей картины предположений (это я про «подготовку к непонятной пакости», если кто не понял), вполне может случиться так, что завтра сюда примчатся три сотни специалистов разного уровня компетенции для решения внезапно возникающих задач, стянут войска и объявят ЧП (чрезвычайное положение).

А теперь представьте себе, что Петрович ошибся. И всё, что мы сейчас здесь наблюдаем, не более чем местечковые клановые разборки, не имеющие никакого отношения к «насильственному свержению Государственной Власти».

Кто не в курсе, намекну: за такие вещи у нас карают безжалостно. Если сильно повезет и не посадят, то до конца жизни придётся дворником работать, потому что потом ни в одно приличное место не возьмут.

Это одна сторона вопроса.

А теперь представьте себе, что мы не станем нервировать шефа, скажем, что у нас всё нормально, и начнём вальяжно осваиваться и постепенно входить в курс... а в это время здесь полным ходом идут процессы, которые как раз таки попадают в формат «Красного Кода» и через пару дней в Городе начнётся полноценный Государственный Переворот.

Разумеется, вероятность такого сценария ничтожно мала (не стоит брать во внимание прозвучавшее выше высказывание про «пятьдесят на пятьдесят», это образно, для обозначения возможного направления развития событий), но... коль скоро она имеет место, игнорировать её будет глупо и преступно.

Гордеев очень умно поступил, вызвав группу из Москвы. Пусть даже мы не те специалисты, которых он ожидал, но в любом случае теперь вся ответственность за объективность оценки обстановки в регионе ложится на нас. Ещё конкретнее – на Петровича.

Если мы проморгаем формат «Красного Кода», за это покарают ещё жёстче, чем за ложную тревогу. Тут уже вопрос стоит не просто насчёт «посадят», но ведь могут и «положить», по-свойски, без протокола. В назидание всем прочим ответственным товарищам, которые в дальнейшем будут принимать решения и решать шарады такого рода.

Так что, как видите, дилемма место имеет. И неплохо было бы побыстрее определиться, какой доклад уйдёт наверх сегодня до исхода дня.

– Да, нехорошая дилемма, – задумчиво протянул доктор.

А я скромно промолчал. Одно – дело вольно рассуждать в заданном направлении и генерировать версии по поводу «подготовки к непонятной пакости», и совсем другое – решать такие вопросы. Это просто не мой уровень.

– В общем, надо до исхода дня как-то определиться, – тяжело вздохнул Петрович. – В полночь буду «поздравлять», шеф обязательно потребует конкретики...

* * *

Закончив разговор, Гордеев открыл водительскую дверь, но садиться на место не спешил. Он как будто бы решил нас немного поморозить – колючим взглядом и холодным ветром, который сразу же хулигански ворвался в салон и сыпанул на приборную панель пригоршню мелкого снега.

Гордеев коротко довел информацию по нападению: очевидно, это были «свои» (хорошо знавшие повадки и психологию сослуживцев), работали жёстко, но именно по-свойски – никого не убили.

Поскольку нападавшие были в масках и спецодежде, узнать никого не удалось. Есть незначительная «зацепка»: брошенный на месте происшествия грузовик, которым перегородили дорогу конвою. Водитель найден связанным и с кляпом, в соседнем дворе, сейчас с ним работают. Также несколько групп отрабатывают район происшествия, но надеяться на успех особо не стоит.

Учитывая принадлежность нападавших к Службе, вероятность обнаружить их по «горячим следам» ничтожно мала, так что нужно всё бросать и заниматься вдумчивой и кропотливой «работой с кадрами». Иными словами, проводить серьёзное внутреннее расследование с привлечением всех без исключения сотрудников Управления.

– Скорее всего, это из-за вас, – резюмировал Гордеев, глядя на нас без неприязни, но и без должного дружелюбия, которое полагается дорогим гостям. – И «хвосты выросли» аккурат перед вашим приездом, и всё прочее как раз в тему...

Да, это нормальная практика, такое встречается сплошь и рядом. Сам сгенерировал кучу экскрементов, сам заорал «аллэ, тут воняет!!!» и сам же тыкаешь обличающим перстом в присланную «сверху» бригаду ассенизаторов – без вас всё было здорово, а как вы приехали, так и началось! А теперь ещё и под ногами тут путаетесь, работать мешаете...

Петрович огрызаться не стал. Стоически кивнув, словно бы соглашаясь с обвинением, он повторил предложение:

– Всё понятно. Давай дальше мы сами. У тебя и без нас есть чем заняться.

Гордеев несколько секунд размышлял, раскачиваясь с пятки на носок и отрешенно глядя в сторону областного центра.

Даже без особого знания психологии было понятно, что ему хочется немедленно воспользоваться советом Петровича, бросить нас на произвол судьбы и умчаться в Управление. Вполне, кстати, нормальное желание для любого ответственного руководителя, в отсутствие которого «на рабочем месте» произошло ЧП.

– Ну уж нет. – Гордеев бросил размышлять, решительно сел за руль и захлопнул дверь. – Вы сейчас важнее. Зря, что ли, на вас тут бигуди накручивают? Неспроста это, ой неспроста! Так что я вас как следует «пристрою» сначала, а уже потом буду разбираться со своим свинарником. Там уже вовсю работают, телефоны никто не отменял, а без моего личного участия пока что обойдутся...

* * *

За километр до пригорода шоссе выбегало на вершину полого холма. С этого места, надо полагать, в ясную погоду открывается прекрасный вид на Город, раскинувшийся в излучине Волги, которая образует здесь своего рода полуостров с зубчатыми закраинами, изрезанный узкими протоками.

Признаюсь, что художественное воображение здесь ни при чём, это я перед отлётом специально полюбопытствовал в «гуглокартах», как выглядит то место, где нам предстоит некоторое время работать.

Сейчас Город выглядел как скопление тусклых огоньков, едва видимых сквозь снежную пелену в мутноватом пурпуре заката. Никаких очертаний, контуров и заметно выдающихся деталей, просто утыканное искорками пятно, вид которого почему-то вызывал у меня странную тревогу и учащённое сердцебиение.

Как будто сейчас заедем, а там бой начнётся...

В какой-то момент мне показалось, что это пятно – и не город вовсе, а хищный зверь, который затаился в сумерках и поджидает нас, в нетерпении потирая когтистые лапы. Ну идите же ко мне, мои вкусные столичные гостюшки, торопитесь, у меня сегодня торжественный ужин...

Разумеется, это всего лишь игра воображения, вызванная «тёплой» встречей и многообещающей преамбулой по обстановке, но... В самом деле, до города как-то всё было нормально, а как только он показался вдали, так сразу и засосало под ложечкой, и пошла вразнос система восприятия, всколыхнулось внутри что-то Древнее, не объяснимое никакими рациональным аспектами...

Что-то в этом Городе было нехорошо и неправильно, и мой организм, независимо от воли и разума, чувствовал это и пытался поделиться с моей цивилизованной сущностью своими ощущениями.

– А где «Чёрный Сентябрь»? – спросил доктор странно охрипшим голосом и тотчас же смущенно прокашлялся.

Вот вам пожалуйста, не один я такой впечатлительный. Док у нас весьма интуитивный товарищ, чувствует все нюансы ментального плана куда как лучше и острее меня. Так что мнительность и сентиментальность здесь ни при чём, это такое наше особое общее въездное состояние.

– Вон там.

Гордеев ткнул куда-то пальцем.

Доктор глубокомысленно «угукнул», хотя в том направлении было видно ровно то же, что и в других частях надвигающегося на нас жилого массива: разрастающееся тёмное пятно, усеянное сонмом огоньков, и ничего более.

– Сейчас не видно, завтра всё посмотрите, – мудро заметил Гордеев. – Третий день снег валит. Хм... Как раз к вашему приезду...

Совершенно верно. И тут мы напортачили, грубо вклинились, понимаешь, в метеообстановку. Не гости, а какое-то стихийное бедствие.

* * *

Въехали в пригород, и сразу всё изменилось.

Как и в областном центре, мы свернули с шоссе на неширокую улочку частного сектора (мелькнула дикая мысль, что сейчас опять будем выписывать развороты и кого-нибудь таранить – но, слава богу, обошлось).

К этому моменту наконец-то увял пугающий багрянец заката, многие дворы были освещены фонарями, а в окнах домов мерцали разноцветные гирлянды, напоминая о том, что сегодня последний вечер новогодних каникул.

Проехали мимо ледяной горки, у которой толкалась радостно визжащая детвора. Гордеев остановился, открыл окно и отдал детишкам конфеты. Детишки подношение приняли и воодушевленно заорали «поздравляем, поздравляем!!!» – с чем именно, не уточнили, но, надо полагать, со старым Новым годом, других вариантов не вижу.

Поехали дальше, а окно Гордеев не закрыл и с удовольствием принюхивался. С улицы вовсю несло ароматами выпечки и прочих вкусностей деревенского плана, так что пока ехали, вволю нанюхались, послушали мимоходом гармошку, выводившую лирические рулады где-то неподалёку, и сразу стало на душе хорошо и празднично. В пригороде ветра не было, лениво кружившиеся в свете фар снежинки гармонично дополняли рождественский антураж, и очень скоро недавняя тревога вкупе с нехорошими предчувствиями как-то самопроизвольно сошла на нет.

Да, всё правильно. Думаю, это всего лишь игра воображения, спровоцированная зловещим закатом и странной обстановкой. Всё нормально, всё здорово, вокруг такая провинциальная пастораль, особенно приятная после шумной и суетливой Москвы...

Так что можно забыть обо всех тревогах, расслабиться и как следует отдохнуть.

* * *

В пункте прибытия был кирпичный дом с мансардой, летняя кухня, баня и гараж на две машины. Всем эскортом во двор заезжать не стали: товарища в пыжике Гордеев отправил обратно в областной центр, а наше местное сопровождение на «Опеле» осталось дежурить на улице. Не думаю, что это вельможная прихоть (пока что Гордеев не давал повода подозревать его в самодурстве и барских наклонностях), больше похоже на необходимые меры предосторожности по факту сегодняшних приключений.

Встречал нас бравый крепкий камрад лет тридцати. Был он в штатском, но держался как заправский военный: изобразил строевую стойку и чётко доложил Гордееву о проделанной работе:

– Протопили, в комнатах прибрали, постели застелили, провизия и напитки доставлены, мясо «дошло», баня готова, мангал раскопчегарен. Шашлык мне делать или сами?

– Сами, – решительно заявил Гордеев. – Спасибо Саша, свободен.

– Есть!

Мой деловитый тёзка резко развернулся, прищелкнув каблуками и убыл восвояси.

О как... Наверное, недавно взяли из армии. У кадровых чекистов нет такого пиетета к Уставу, да и отношения между начальниками и подчиненными более либеральные, нежели у армейцев.

Спровадив военизированного чекиста, Гордеев повел нас показывать апартаменты. Дом был сравнительно небольшой, но до общаги дело не дошло, каждому из нас выделили по отдельной спальне.

– Это «явка», а не «Хилтон», – предупредил Гордеев. – Так что особой роскоши не ждите.

Да ничего, мы привычные. Кровать, стол, стул, потолок без щелей – уже неплохо. Для человека, которому доводилось в командировках обходиться «спальником» и палаткой, это вполне комфортабельные условия. А в моей спальне, судя по всему, раньше была «детская». Помимо вышеперечисленных предметов обихода, здесь был целый ящик с игрушками (и куча машинок, а некоторые даже с колесами), детский мольберт, бумага, карандаши, задубевшие кисти и пересохшая краска. «Глухая» стена спальни была сплошь увешана на редкость корявыми и страшными детскими рисунками, заботливо забранными в деревянные рамочки.

Ну вот, совсем хорошо. Если доведется напиться до трансцендентального состояния, обязательно порисую или поиграю в машинки. То есть вполне себе годный досуг, теперь скука нам не грозит.

После того как мы разместились, Гордеев объявил, что далее по графику у нас баня.

Тут мы синхронно замялись. По настороженным взглядам коллег я понял, что наши сомнения примерно совпадают по вектору, и на правах самого молодого и бестактного попробовал покачать права:

– Да мы, в принципе, не грязные, в дороге недолго...

– Не хотите мыться, так попаритесь, – безапелляционно заявил Гордеев. – Зря, что ли, топили?

Мы не стали вставать в позу, покорились Судьбе и, прихватив мыльные принадлежности, отправились в баню.

Не скажу точно, какого рода сомнения терзали коллег, а мои опасения были таковы: «баня» – это такой нехитрый шифр, а на самом деле там будет дикая совково-провинциальная оргия с ящиком водки, марихуаной и непотребными девами, как это частенько показывают в фильмах про разложившуюся номенклатуру Нет, я не то чтобы пуританин и аскет, но... Видите ли, я в баню хожу, чтобы париться, непотребных дев не люблю, а всё прочее предпочитаю делать в специально отведенных для этого местах.

Спустя несколько минут оказалось, что опасения мои были напрасны. Это была просто баня, без всякого шифра, в традиционном исполнении, причём вполне приличного качества: с дубовыми полками, раскалённой каменкой, мастерски засушенными березовыми вениками (не так, что бросили на чердак, а потом в январе достали голик, – а так, что распарил его в кадушке, а он как живой и почти все листья на месте и зеленые!) и потрясающим духмяным паром с отвара чабреца, ядрёным, продирающим до костей и надёжно выносящим прочь все тревоги и заботы, до полной пустоты в голове.

Единственный минус – не было здесь бассейна, чтобы сигануть туда всей толпой из парилки. Однако рядом с баней возвышался матерый сугроб, который с лихвой компенсировал отсутствие бассейна. Мы ныряли в этот сугроб, барахтались в нём с уханьем и гиканьем и даже пытались на пару с доктором сделать из Петровича снеговика, но безуспешно: Петрович упитанный и крепкий, он нас расшвыривал как щенят.

В общем, было весело. Надеюсь, заборы тут капитальные и соседи не подглядывали сквозь щели.

В итоге набанились мы так, что еле держались на ногах. Уже и не помню, когда в последний раз так ударно парился – разве что в детстве, когда с дядькой и его друзьями доводилось бывать на туристических маршрутах, где попадались поселения со старыми русскими банями.

Гордеев в наших экзерцициях участия не принимал. Отправив нас в баню, он пошел «доводить до ума стол». Я так и не понял, что он имел в виду: плотницкие работы или приготовление пищи.

Пока приходили в себя после бани, Гордеев приготовил шашлык и вскоре кликнул всех за стол.

Для «служебной» сервировки стол был очень неплох. Все соленья и маринады имели качество домашней заготовки, а копчёности и колбасы с местного базара были так вкусны, что я грешным делом подумал: «Не иначе какая-то хитрая химия с «Чёрного Сентября», что-то типа секретных вкусовых добавок для возбуждения аппетита».

Часок посидели, познакомились поближе, наелись до отвала сочного шашлыка и всяких закусок, выпили отменной настойки на черноплодной рябине. Всем было хорошо и комфортно. Гордеев отмяк, подобрел, перестал быть букой, стал душкой и гостеприимным хозяином и кое-что рассказал о себе.

Насчёт явки он пошутил: это, оказывается, дом его тёщи, ныне имеющий статус летней дачи.

Сам Гордеев считай что местный, после «Вышки» работал «особистом» на химкомбинате и уже оттуда потихоньку, не спеша, за двадцать лет поднялся до второго по рангу чекиста области. Жена здешняя, из Города, сейчас вся семья живет в областном центре, вместе с тещей, а здесь бывают только летом, до сбора урожая и окончания поры разнообразных «закруток». Зимой усадьбу запирают, и за ней приглядывают соседи. Так что все соленья и маринады на столе – из гордеевского погреба. Настойку тоже сам делал, это чистый спирт, разбавленный в

академических пропорциях и разлитый по пятилитровым бутылкам в соотношении литр сухой ягоды на четыре литра огненной воды, плюс резаный корень имбиря. Выдержка – полгода.

Настойка, скажу я вам, получилась просто изумительная. Жалко, с нами Спартака нет, он бы это произведение искусства оценил по достоинству.

Гордееву с нами понравилось, всё было нормально, и за этот час он всего лишь дважды позвонил в Управление на предмет уточнить обстановку.

Обстановка, судя по некоторым репликам, развивалась вяло, если не сказать что вообще застряла в исходной точке, потому вскоре Гордеев стал хмуро поглядывать на часы и с грустью коситься на заветную бутылку с настойкой. Чувствовалось, что ему уже никуда не хочется ехать и он бы не прочь остаться здесь как минимум до староновогодних курантов, а то и до утра.

– Да забей. – Доктор, как обычно, влёт определил подспудные чаяния и мотивы. – Что изменится, если ты сейчас туда приедешь?

– Ну как же... Надо же координировать... – неуверенно ответил Гордеев. – Возглавить... Гм... Организовать...

– Ага, самолично займёшься «отработкой»? – поддержал доктора Петрович. – Или от твоего присутствия в Управлении все резко начнут выдавать на-гора результат?

– Да нет, в принципе, там есть кому понужать и педалировать...

– Ну так и оставайся, – проникновенно предложил доктор. – Сейчас пульку распишем, да как засядем до утра, под чудо-настоячку...

– О! – оживился Гордеев. – Вы тоже любители в преф перекинуться?

– «Перекинуться»? – Доктор презрительно выпятил нижнюю губу.

– Это вы тут любители. – Петрович молодецки расправил плечи. – А мы там – мастера!

– Да ладно, – ухмыльнулся Гордеев. – Откуда в Москве мастера? Всех мастеров давным-давно расстреляли, посадили или выслали.

– Ну так... Оставайся, и посмотрим, кто тут любитель, а кто мастер. – Доктор плутовато подмигнул и нервными холеными пальцами провел по крутому изгибу бутылки с настойкой. – Всё равно в праздник толком работать никого не заставишь, зря только время и нервы потратишь.

– Ну всё, убедили! Остаюсь...

Старшие коллеги быстро убрали со стола всё лишнее, оставив только настойку и минимальный набор закуски, а Гордеев в это время сделал пару звонков ответственным товарищам, предупредил, что в связи со сложной оперативной обстановкой вынужден отсутствовать и будет только завтра к полудню.

После этого Петрович притащил карты (он всегда возит с собой пару колод), тетрадь с ручкой, набил любимую трубку, и игра началась.

Помаявшись с четверть часа на фоне великих преферансистов, я резко заскучал. По картам я спец невеликий, разве что в дурака на щелбаны, а преферанс для меня вообще высшая математика.

Начало девятого, весь вечер впереди... ну и чем мне заняться? Так и сидеть дальше, тарашиться на азартную троицу – просто чудовое развлечение, челюсть можно вывихнуть от отчаянного зевания. Даже упиться с горя до игрушечных машинок и рисования на детском мольберте не получится: коллеги, когда играют, только легонько поддерживают градус, ибо для этой игры нужен трезвый ум и ясность мышления.

И вообще, со старшими только работать приятно, они всё за тебя продумают и скажут, что делать, так что даже и напрягаться не надо – а вот отдыхать я предпочитаю в своей компании или как минимум с людьми своего возраста и примерно одинаковых интересов.

– Виктор Иванович... Не подскажите, куда тут у вас можно пойти прогуляться?

Я готов был услышать в ответ «до калитки и обратно» и получить напоминание о суровой оперативной обстановке... но Гордеев на удивление благодушно сказал, что если мне с ними скучно, лучше всего будет прокатиться в центр города.

– Город очень хорошо организует праздники. Почти «по-советски». Самодеятельность работает как часы, общественная жизнь бьёт ключом, мэрия и «Сентябрь» пекутся о досуге граждан. Так что есть на что посмотреть. Ну что, поедешь?

– Да, хотелось бы развеяться.

– Хорошо. Собирайся, сейчас тебя отвезут.

Пока я одевался соответственно случаю, Гордеев вызвонил с улицы старшего нашего «сопровождения» и поставил задачу на предмет организовать мне экскурсию по местным достопримечательностям.

Спустя несколько минут я сел в «Опель» сопровождения», и мы отправились в центр города.

Глава 2

ЧП. АДМИНИСТРАТИВНАЯ РУТИНА

К полудню ЧП с Феликсом заехали в тренировочный лагерь «Пятнашки», расположенный в десяти километрах от Города.

До недавнего времени «Пятнашки» принадлежали областному ОНО (отделу народного образования) и здесь размещался круглогодичный детско-оздоровительный центр.

Однако у нас за деньги, а тем паче за большие деньги, можно решить любые вопросы, и накануне операции «Пятнашки» были выкуплены с потрохами и в спешном порядке переоборудованы под тренировочный лагерь.

В данный момент на спортивном городке, где не так давно детишки играли в пресловутые «пятнашки», полным ходом шло тактическое занятие. Несколько отделений наёмников под руководством «стилетов» отрабатывали на добротном макете штурм комплекса административных зданий.

Прежде чем отправиться в коттеджи командного состава, ЧП с Феликсом остановились у спортгородка и некоторое время следили за ходом тренировки.

Наблюдая за слаженной работой бойцов, ЧП вынужден был признать, что его первичная оценка потенциала наёмников была неверной и в какой-то степени предвзятой.

При работе в других странах ЧП регулярно сталкивался с необходимостью решать сложные и ответственные силовые задачи, которые были не по зубам местному «расходному материалу».

В таких случаях всегда приглашали высококвалифицированных специалистов из фирм, наподобие Academi (более известной у нас как Blackwater).

«Blackwater» трудилась, что называется, «под ключ» и приучила клиентов к определённому шаблону: давайте задачу и деньги и можете забыть о вашей проблеме – теперь это наша проблема.

Команды, которые предоставляла «Blackwater», были прекрасно подготовлены, оснащены современным вооружением и отличались высокой слаженностью, что обеспечивало надёжное взаимодействие при проведении операции и минимальные потери.

При планировании Эксперимента на местном Полигоне ЧП сразу наметил ряд важных задач, выполнение которых было бы оптимально поручить ребятам из «Blackwater».

Однако основное правило Эксперимента гласит: «всё своё ношу с собой». Иначе говоря, можно использовать только местные ресурсы, причём не в масштабах страны, а именно на региональном уровне.

Наёмников набирали «стилеты», мастера своего дела, и, разумеется, отобрали самых лучших, каких только можно было найти в этом регионе.

Но по уровню подготовки многие заметно не дотягивали даже до средних международных стандартов, а о какой-либо боевой слаженности можно было даже и не упоминать.

Так получилось, что совсем недавно ЧП довелось работать на Ближнем Востоке с приглашённой командой из «Greystone». Впечатления были вполне свежие, и ЧП имел возможность сравнивать.

Сравнение было настолько не в пользу местных наёмников, что ЧП всерьёз подумывал: а не провести ли все «мероприятия» силами «стилетов»?

Это было вполне реально: дюжина «стилетов» с проработанной группой обеспечения без проблем решила бы все задачи, предназначенные для сотни хорошо подготовленных бойцов.

Однако в этом случае весь Эксперимент летел к чёртовой матери.

Во-первых, потому, что когда ЭТО начнётся в масштабах всей Страны, на каждый областной центр (не говоря уже о каждом городе с популяцией от 50 000) нельзя будет набрать и по паре «стилетов» ввиду их удручающей малочисленности.

Во-вторых, во всех дальнейших схемах основная ставка по ключевым «силовым решениям» делалась именно на региональных наёмников.

Тезисно эта мобилизационная модель выглядела примерно так.

В последние три десятка лет Россия системно участвует в локальных конфликтах как на своей территории, так и «на выезде».

В связи с этим в Стране сформировалась специфическая социальная группа: бывшие военные с немалым боевым опытом, прозябающие в районе черты бедности и люто ненавидящие Власть, которая не оценила по достоинству их службу Родине и не обеспечила достойного уровня жизни или даже хотя бы просто сытое существование.

Счёт таким людям в России идёт уже не на десятки, а на сотни тысяч. Если поставить их всех под ружьё, хорошо заплатить и правильно мотивировать (самый простой вариант: «свержение зажавшейся продажной власти и установление Народного Правления»), это будет целая армия. Боеспособная, обстрелянная, хорошо проплаченная, обеспеченная простой и близкой Народу идеологией и крепко нацеленная на результат.

Поэтому «стилеты» набрали наёмников в соседних районах.

На первой тренировке эти наёмники вели себя как неорганизованное стадо. У ЧП от этого удручающего зрелища крепко испортилось настроение и возникло опасение, что модель в корне нерабочая и теперь её придётся переделывать буквально с нуля.

Но всего лишь за две недели всё изменилось. В ходе совместных тренировок бойцы притёрлись друг к другу, приноровились, стали чувствовать и понимать друг друга и постепенно превращаться в Коллектив. Все команды выполнялись буквально с пол-оборота, бойцы работали слаженно и азартно, с не присущей импортным наёмникам разухабистой удалью и каким-то особым местным куражом.

Спецы из «Blackwater» всегда воспринимали тренировку как необходимую, но тягостную повинность.

Местные бойцы откровенно играли и забавлялись. За игры на свежем воздухе платили вполне боевые деньги, а простейшая формула «Народно-Освободительной» идеологии возводила эти игры в разряд подготовки к «Священной Войне против предателей Отечества» (ни убавить, ни прибавить!).

Отсюда кураж, удаль и готовность к самопожертвованию.

ЧП любовался слаженной работой штурмовых групп и посмеивался над собой – унылым-разочарованным, десятидневной давности.

Наёмники из «Blackwater» с их меркантильным подходом к войне и чёткими понятиями о целесообразности и сопоставимости потерь и результатов нервно курят в сторонке.

Армия нищих ветеранов, мобилизованная на «Священную Войну с Предателями Отечества», яростно и беспощадно сметёт существующую Власть ценой любых потерь и жертв. Дай ей только две недели для отработки боевой слаженности – и вперёд.

* * *

В дальнем от въезда коттедже расположилась группа «Арсенал».

В группу входят шестеро «стилетов» и специалисты – двое химиков и двое инженеров-ракетчиков. Способ формирования группы явно противоречит правилам Эксперимента, но в силу сложившихся обстоятельств ЧП предпочёл закрыть на это глаза.

Арсенал можно без проблем захватить тремя отделениями наёмников. Однако захват будет происходить до начала общей операции и, как следствие, до тотального отключения

связи. При работе наёмников высока вероятность прохождения сигнала тревоги в батальон. А это уже не просто неудобство и «побочный эффект», а прямая угроза всей операции в целом. Тут надо всё сделать молниеносно и тихо, поэтому работать будут «стилеты». На общую методическую картину это никак не повлияет: в других местах аналогичные объекты пусть захватывает кто угодно, по плану руководителей локальных операций.

В отличие от своих собратьев, которые сутками напролёт занимаются с наёмниками, группа «Арсенал» тренировками себя не утруждала и по факту была баклуши. Объект изучен вдоль и поперёк, девять вариантов захвата отработаны до мельчайших подробностей, экипировка подобрана и подогнана, а тратить время на боевое слаживание «стилетам» не нужно. Они не просто понимают друг друга с полуслова, с одного жеста и одного взгляда – у них взаимодействие отработано буквально на ментальном уровне.

Командир «Арсенала» сдержанно поприветствовал ЧП, по-братски обнял Феликса и предложил гостям чаю.

ЧП «стилетам», в общем-то, не чужой, доводилось работать под его «опекой» на выезде (вне территории России), но, в отличие от Феликса, и не совсем свой.

ЧП – это рабочий псевдоним, по основной легенде: Чрезвычайный Представитель. Между собой «стилеты» зовут его так же – ЧП, но подразумевают под этой аббревиатурой пару других наименований: Чрезвычайное Происшествие и Чёрный Паладин.

«Стилеты» и «паладины» родом из одного Инкубатора, и у них одно предназначение – служение Верховной Власти.

Предназначение одно, а функции разные. «Стилеты» исполнители, а «паладины» – орган надзора и контроля для всех остальных «инструментов» Верховной Власти.

«Чёрный Паладин» – это вовсе не из-за цвета кожи или предпочтения аксессуаров всех оттенков Тьмы. Просто ЧП признанный специалист по отработанной в других странах модели «Чёрная Дыра». Той самой модели, которая сейчас готовится к воплощению в полигонных условиях Города. Отсюда и негласное прозвище.

* * *

Попили чаю, пообщались. ЧП изложил суть проблемы.

По результатам изучения контингента «партнёров» аналитики выдали неутешительный прогноз: во время предстоящей встречи в Курково существует почти стопроцентная вероятность возникновения острого производственного конфликта.

Есть два варианта решения проблемы: подъехать с большим количеством бойцов, продемонстрировать силу и таким образом избежать конфликта. Однако этот вариант полностью не устраняет конфликтогенные факторы и в процессе последующей работы придётся в экстренном порядке решать вопросы «на местах», что потребует непродуктивного использования силовых ресурсов и в конечном итоге может привести к полной утрате контроля над «партнёрами».

Второй вариант: акция устрашения. Внезапная, эффектная, ошеломляющая, наглядно демонстрирующая, кто в доме хозяин и что будет с каждым, кто попытается выступить против.

ЧП склоняется ко второму варианту как к наиболее продуктивному, не требующему привлечения большого количества бойцов.

- Когда работать? – уточнил командир «Арсенала».
- Через пару часов.
- То есть без подготовки?
- Да, это будет экспромт, – подтвердил ЧП.

Командир на секунду задумался. В рамках подготовительного этапа к операции все подступы к Городу тщательно исследованы (и Курково в том числе), так что быстро подобрать удобные позиции – не проблема.

– Высока вероятность незапланированных потерь, – предупредил командир. – Видите ли, там рядом нет ни одной приличной высоты, везде будет небольшой угол.

– Да хоть дюжину лишних положите, не жалко, – царственно разрешил ЧП. – В начальной фазе мы можем спокойно списать до четверти всего руководства «партнёров». Зато будет наглядно, и в будущем это избавит нас от массы проблем.

– Отлично! – командир оживлённо потёр ладони. – С удовольствием прокатимся, разомнёмся. А то скоро снеговиков начнём лепить от скуки...

Глава 3

АЛЕКС ДОРОХОВ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗЫСКИ

«Сопровождающие» выглядели ненамного старше меня. Они вряд ли занимали высокие должности, но вели себя так, словно им выпала честь представлять нашу великую Страну на высоком международном форуме, причём как минимум на уровне глав Правительств.

Это были очень ответственные, строгие и уверенные в своей неограниченной власти товарищи: без тени сомнения припарковались прямо напротив крыльца мэрии (места на служебной стоянке справа и слева от крыльца были заняты) и принялись дотошно и вдумчиво меня инструктировать.

За это время в здание вошли-вышли несколько персон. Хорошо одетые и заметно нетрезвые, они были вынуждены бочком обходить нашу машину, но возмущаться никто не стал, из чего я сделал вывод, что либо «сопровождение» делает всё правильно, либо здесь всем глубоко по... ммм... скажем так: либо в мэрии трудятся на удивление добродушные и неконфликтные люди.

Вместе с инструктажем на все случаи жизни я получил список телефонов, куда следовало звонить при каких-либо происшествиях, а также несколько фамилий, на которые можно было сослаться при «разборках» любой сложности в отсутствие связи.

В общем, как видите, всё было очень серьезно и солидно.

В завершение у меня спросили служебное удостоверение, внимательно его рассмотрели и зачем-то сняли на мобильный.

Совсем в завершение выяснилось, что вполне можно было обойтись без инструктажа.

– А вообще... ты особо не напрягайся, гуляй спокойно, – как бы оправдываясь за вынужденные меры предосторожности, сказал старший «сопровождения». – У нас тут спокойно, все друг друга знают, милиция и ДНД за всем приглядывают...

– ДНД? – удивился я (почему-то сразу всплыл клубный аналог с TNT и MDMA).

– Добровольная Народная Дружина, – расшифровал второй «сопровождающий». – Сознательная местная молодежь.

– И что она делает, эта молодежь?

– Дежурит, чтобы пресекать, – коротко посвятил меня старший.

– С повязками, – добавил второй. – Да сам всё увидишь.

– В общем, если что – в обиду не дадим, подскочим по первому звонку, – резюмировал старший. – Ну и, как надоест гулять, подходи к мэрии, звони. Подъедем, заберем. Вопросы есть?

– Нет.

– Ну всё, счастливо отдохнуть.

После этого я покинул салон, и «сопровождение» убыло восвояси.

* * *

Для заштатного промышленного городка центральная площадь была довольно просторной и представляла собой почти правильный круг с диаметром примерно в пару сотен метров.

По окружности теснились административные здания сталинской эпохи, не выше двух-трёх этажей, несколько магазинов и внушительный ДК (дом культуры) с ярко освещенными витринами фойе, украшенными разноцветными гирляндами и нанесенными на стекло новогодними рисунками.

Играла музыка, в разных местах разная, сразу из нескольких точек с бодрой хрипотцой орала мегафоны, горело множество фонарей, почти во всех зданиях светились окна, а народу было столько, что казалось – сегодня здесь гуляет весь город от мала до велика. Публика была в основном неплохо одетая, сильно пьяных я не заметил, так, навеселе, женщин было больше, чем мужчин, а детей, пожалуй, больше, чем женщин. Или просто они больше двигались, бесились, носились, визжали, поэтому казалось, что их много.

Оценив общую картину, я условно разбил массовку на очаги активности и отправился на экскурсию.

Первым делом попробовал блины и поглазел на ближние ко мне конкурсы.

Ближе всего дрались подушками на буме, под которым был расстелен толстый слой сена. Чуть поодаль прыгали в мешках, ещё дальше с воплями и гиканьем метали какие-то дрыны, по-моему, это были «городки», но не поручусь, я не особенно разбираюсь в народных играх. Всё делали с большим азартом, под свист и улюлюканье возбуждённой публики, которая частенько перекрывала извергаемые мощными колонками напевы: рядом с «городками», насколько я понял, был конкурс в формате «кто кого перепоеёт» песни доносились как раз оттуда, а на грузовике с откинутыми бортами виднелись приплясывающие фигурки.

Блины раздавали бесплатно, так же как и варенье нескольких сортов, разлитое по фарфоровым пиалкам, и горячий душистый чай. Я быт сыт по горло, но блины пекли тут же, на газобаллонной печке, задорные молодые женщины, сыпавшие шутками-прибаутками, и выглядели они так аппетитно (эмм... это, пожалуй, про блины), что я не удержался и слопал три штуки и выпил чашечку чая с вареньем.

И сразу стало веселее, не знаю, от чая с блинами и печкиного ароматного жара, от ласковых женских взглядов и двусмысленных шуток, от азартных воплей толпы или от всего этого разом и от общей энергетики праздника, пронизывающей всё окружающее пространство и без промаха стреляющей в каждого прохожего зарядом радости и счастья.

Хорошо-то как!

Сейчас вот так сразу и не вспомню, было ли у нас в Москве такое, чтобы всех подряд бесплатно кормили блинами. У нас ведь бесплатно разве что на пинках выносят, и то без души, сугубо по гостевому протоколу.

Гуляя между конкурсами-соревнованиями, я обратил внимание на исполинскую ёлку, увешенную безразмерными гирляндами и, пожалуй, целой тонной разнообразной мишуры.

Судя по тому, что я видел, когда мы ехали из областного центра, реликтового хвойного леса тут отродясь не было, а в основном преобладают невысокие березы и осины, и то не сплошным массивом, а небольшими рощицами.

Так что, надо полагать, ёлку привезли по спецзаказу из другого региона.

Это я к тому, что местная власть проявляет трогательную заботу о населении: праздники устраивает («по-советски», как сказал Гордеев), блинами кормит, ёлки таскает за тридевять земель... значит, какую-то вину за собой чувствует? Всё-таки химкомбинат, в связке с сопутствующими предприятиями и Арсеналом для хранения БОВ, это не кондитерская фабрика, наверняка тут масса подводных камней и вредных побочных эффектов...

Вскоре я оказался возле ДК и обнаружил за украшенными новогодней графикой витринами фойе душераздирающее зрелище: десятка два детишек шести – двенадцати лет сосредоточенно корпели у мольбертов, словно это были плановые занятия в изостудии, а на улице в это время не кипела общегородская гулянка.

Руководила всем этим безобразием троица девиц репродуктивного возраста, одна из которых так мне понравилась, что я решил немедленно познакомиться поближе.

* * *

По сравнению с улицей в фойе было тихо и несуетно. Справа расположились несколько киосков с предметами «народных промыслов» и солидный буфет с разными плюшками, слева был гардероб и рисовали дети, прямо по курсу виднелись двустворчатые массивные двери, ведущие, по логике, в зрительный зал.

Из-за дверей доносилась мелодия в исполнении детского хора: множество звонких голосов нестройно, но с неподдельным энтузиазмом, выводили «У дороги чибис...».

На мой взгляд, тема песенки не совсем соответствовала формату новогодних каникул, да и двери были плотно закрыты (возможно, намёк, что все кому надо давно на месте, а посторонних не приглашают), поэтому в зал я не пошел, а сразу устремился в левый дальний угол, к рисующим детям. Вот это мне гораздо ближе по духу.

Вдоль стен стояли стенды с готовыми «работами». На стене висел плакат с условиями конкурса, где в числе прочего сообщалось, что первые три места получают путевки в детские лагеря отдыха разного статуса.

Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что это вовсе не конкурс, а плохо замаскированная благотворительная акция из разряда «подарок в обмен на каракули».

При мне двое редкозубых близнецов сдали на диво бездарные рисунки (запусти на планшет пьяную мышь с вымазанным краской хвостом, и то лучше выйдет) и получили из рук обольстительной снегурочки по увесистому пакету с конфетами-печеньем-яблоками-апельсинами. Надзиравшая за близнецами надменная старуха – по-видимому, их бабушка – имела наглость уточнить, когда будут подводить итоги конкурса и куда потом победителям подойти за путевками.

Для особо любопытных в самом низу плаката жирным шрифтом было написано, что подведение итогов состоится 17 января в семь часов вечера, в этом самом ДК, но моя избранница вежливо ответила на все вопросы и ни разу не возмутилась.

– Чего тянуть-то? – пробурчала старуха. – Могли бы завтра с утра объявить, дурное дело нехитрое...

Близнецы меж тем бесцеремонно рвали пакеты и тащили из самой сердцевины особо привлекательные конфеты.

Экие отморозки, однако. Как видно, химкомбинат это не просто градообразующее предприятие, а также местный вариант Кармы и Предопределения. Одним словом, химия – в массы.

Пока моя избранница работала с желчной патронессой редкозубых бездарей, две другие снегурочки живо отреагировали на моё присутствие и подошли узнать, чего я желаю.

Обе девицы были милы и вполне привлекательны в своих голубеньких снегурочкиных кафтанчиках, но я уже сделал выбор, поэтому сказал, что желаю, в принципе, много чего, однако сейчас у меня конфиденциальное дело к девушке, которая разговаривает с пациенткой... эмм... с куратором участников конкурса.

Снегурки с некоторым разочарованием вернулись к художественно озабоченным детишкам, а я дождался, когда, наконец, удалилась вредная старуха с зубастиками, и решительно подошел к Екатерине Солнцевой, арт-мастеру. У неё в петлице висел бейдж, а я глазастый, вовремя рассмотрел.

Поздоровавшись, я представился московским художником-передвижником, отрабатывающим провинциальные площадки для грядущих экспозиций.

Тугая коса до пояса, глаза – бездонное небо над Русской равниной, ангельское личико, и едва ли не идеальная фигура: вряд ли в комплекте к такой внешности прилагается смекалка Эйнштейна и неприступность Пенелопы (для тех, кто не читал Гомера, но смотрит разное кино – я имею в виду не Пенелопу Крус, а верную жену Одиссея, правителя Итаки). Такое сочета-

ние будет уже вопиющей диспропорцией и вообще исключением из правил. Прибавьте к этому следующие обстоятельства: глухая провинция, полная безнадёга в плане брачных перспектив на фоне суровой рабоче-крестьянской массы, и вдруг откуда ни возьмись появляется молодой московский живописец, симпатичный, интересный, во всех отношениях свободный и галантный.

Да это ведь просто принц из сказки, ни убавить, ни прибавить!

Нет, я не рассчитывал, что девушка по первому зову всё бросит и помчится за мной на край света – разве что как вариант, но к радушию и теплому приёму был вполне готов.

Поэтому, представившись, я изобразил давно и тщательно отрепетированную улыбку Леонардо (от великого, но скромного мэтра – восхищенным простушкам) и царственно скрестил руки на груди, приготовившись получить щедрую порцию немедленного обожания.

– Это к заведующему. Второй этаж, третья дверь налево. – Красавица смерила меня равнодушным взглядом, ткнула пальчиком куда-то в недра ДК и, развернувшись, отошла к рисующим детям.

Упс. А что-то не сработало...

Может, я одет не по формату? Беретка набекрень и модный шарфик навывпуск наверняка бы добавили аутентичности, но сейчас уже поздно, раньше надо было думать.

Получив отлуп (понятие архаичное и насквозь провинциальное, но в данном случае вполне уместное), я стоял столбом и уныло размышлял, как поступить.

Бежать следом и рассказывать, какой я замечательный и необычный, было уже неловко: даже при самых веских доводах это явная назойливость и моветон, девица, судя по всему, своенравна и избалована вниманием, так что на знакомстве можно будет сразу ставить жирный крест.

Собирать подробную информацию и оборудовать удобные подходы некогда, мы сюда не навечно прикомандированы, так что расчёт был на внезапную атаку.

Атака сорвалась, и что теперь делать – просто ума ни приложу...

Не знаю, может быть, я так бы и ушел несолоно хлебавши, однако Судьбе было угодно, чтобы моё бестолковое стояние было вознаграждено сторицей.

Заметив, что я никуда не ушёл, снегурочка было нахмурилась, затем шлёпнула себя ладошкой по лбу, вернулась ко мне и сказала:

– Извините, забыла! Поздно уже, заведующего нет сейчас. Он где-то на площади или в мэрии. Так что ищите там. Но... гхм...

– Что?

– Ну, они сейчас уже пьяные все, там банкет, в мэрии... В общем, не лучшее время для всяких дел. Вы завтра после обеда подходите, тогда всё и решите.

– Хорошо, спасибо вам. Могу я взглянуть, что там рисуют ваши Врубели-Крамские?

– Скорее, Ван-Гоги и Пикассо. – Девица впервые за всё время озарилась улыбкой. – Да, конечно, смотрите на здоровье. А вы в каком формате работаете?

– Видите ли, Катерина, я своего рода универсал. Мастер широкого профиля.

– А вы откуда знаете?..

Я показал на бейджик.

– Ах, да, на мне же написано! Совсем замоталась, ничего не соображаю...

Вот так, собственно, всё и разрешилось. Спустя минуту мы уже непринуждённо болтали обо всём понемногу, прохаживаясь вдоль нестройных рядов малюющих киндеров. Точки соприкосновения были выбраны верно, этикет соблюден, осталось только развивать успех. Это на заметку всем бледным юношам, получившим пресловутый «отлуп»: не стоит сразу ретироваться, можно попробовать с несчастным видом постоять в сторонке, глядишь, какие-то варианты и образуются.

Ещё минут через пять мы закономерно подошли к контрольной точке: возник вопрос, много ли у меня работ и когда на них можно будет посмотреть.

Интересный вопрос. Для тех, кто не в курсе, сообщаю, что «работа» – это полотно, которое не стыдно выставлять на вернисаж (впрочем, бывает и так, что у некоторых давно почивших коллег по цеху и эскизы за миллионы уходят, но это уже явно не наш случай).

Так вот, работ у меня нет вообще, как-то всё недосуг было сконцентрироваться и выдать законченный шедевр. Однако, полагаю, вы прекрасно понимаете, что рассказывать об этом всем подряд симпатичным девицам не стоит. Особенно если ты ведешь охмурение не в родном городе, где этот факт нетрудно проверить, а где-нибудь в глухой провинции.

Поэтому первую половину вопроса я благоразумно опустил и ответил по существу второй половины:

– С собой ничего нет, но... посмотреть можно будет где-то через полчаса.

– Это как так? – удивилась арт-мастер Катя. – Через полчаса про вас будут передачу по телику показывать?

– Нет, не в этот раз, – заскромничал я.

– А как же тогда? Может, вы волшебник?

– Нет, я только учусь. Но это очень простая магия, так что я с удовольствием продемонстрирую вам пару нехитрых секретов. Бумагу с карандашом дадите?

– А-а-а, так вы прямо сейчас нарисуете? – с некоторым разочарованием протянула Катя.

– Совершенно верно. Если это не вступает в противоречия с вашими планами и не доставит каких-либо неудобств...

– Ой, да какие тут неудобства? Малюйте на здоровье, не жалко.

Катя отвела меня к освободившимся после ухода зубастиков мольбертам, выдала аксессуар и с любопытством уточнила, что я собираюсь изобразить за полчаса. По интонации прозвучало примерно так: «Разве можно за полчаса сделать что-то стоящее?»

– Будем работать ваш портрет, – решительно заявил я. – Без вариантов.

– Почему мой? – удивилась Катя. – Это принципиально? Тут и без меня хватает персонажей...

– Это не принципиально. За объект можно взять кого угодно. Но тут есть один важный нюанс: у нас мало времени.

– Ну так я про это и спрашивала, – с лёгкой ноткой раздражения напомнила Катя. – Что можно нарисовать за полчаса? Разве что натюрморт.

– Понимаете, Катя... Обычно, чтобы более-менее точно передать характер эмм... «персонажа», как вы изволили выразиться, нужно довольно долго наблюдать за ним, узнать его поближе, разобраться в особенностях, уловить «изюминку», в общем, постичь его индивидуальность. За полчаса вряд ли управитесь, согласны?

– Совершенно верно.

– Однако если человек понравился тебе с первого взгляда, что называется, сразу запал тебе в душу, задача значительно облегчается. В этом случае всё рисуется как бы само собой, по наитию.

– ???

– Да-да, именно так... Поэтому я буду рисовать именно вас. С любым другим из здесь присутствующих всё будет намного дольше и труднее.

Всё это я говорил, набрасывая первые штрихи и делая вид, что уже всецело сосредоточен на работе, а собственно Катя меня интересует исключительно как объект отображения.

От неожиданности девушка стала краснеть и с минуту молчала, не зная, что сказать. Вроде бы такое прямолинейное и отчасти грубоватое признание, хоть сразу отшивай, и в то же время всё по делу, попробуй придерись.

Я продолжал рисовать, бросая на неё короткие быстрые взгляды, преисполненные сугубо профессионального интереса, без малейшего намёка на чувственность.

– Но... Я не могу полчаса позировать, – смущённо заметила Катя. – У меня тут дети...

– Не надо позировать, – милостиво разрешил я. – «Позировать»... Хм... Это, вообще, архаика, сейчас всё делается значительно проще, динамичнее. Занимайтесь своими делами, достаточно того, что вы будете находиться у меня перед глазами. А насчёт «статики» – это очень просто. Разрешите-ка...

Я запечатлел девушку на мобильный в четырех ракурсах, отпустил заниматься своими делами и, засучив рукава, принялся за работу.

* * *

Скажу сразу, что никаких мытарств не было, работалось легко и приятно, я был, что называется, в ударе, и вдохновение буквально плескалось через край.

Коллектив принял моё вторжение относительно безболезненно. Две другие снегурочки подошли к Кате и что-то спросили, – получив ответ, отошли с вытянутыми физиономиями и стали украдкой поглядывать в мою сторону. А как же, московский художник. Местами даже передвижник.

Детишки на моё присутствие в большинстве своём вообще не обратили внимания, словно участие взрослого в детском конкурсе в этом химическом царстве было нормой.

Справа «рабочее место» пустовало, слева заседал шустрый вихрастый бутуз, весьма талантливо рисующий вороватого Фредди Крюгера-трансвестита (чудище было в гротескном сарафане с меховой оторочкой, с огромным мешком на плече, и от кого-то убегало, затравленно озираясь).

Бутуз проявил некое подобие беспокойства.

– Ты тоже подарок хочешь? – Он кивнул в сторону коробки с заветными пакетами и напористо сообщил: – Там на всех не хватит. Там только детям. И путевки тоже детям.

– У меня будет другой подарок. – Я кивнул в сторону Кати, но вовремя понял, что бутуз всё равно ничего не поймёт, и скорректировал посыл: – Эмм... В общем, это подарок для взрослых. Я на ту коробку не претендую. И на путевку, кстати, тоже. Я вне конкурса, сам по себе.

– А, ну тогда ладно, – успокоился бутуз. – Я Денис.

– А я Саша.

– Саша, тебе ластик подарить? У меня лишний есть.

– Спасибо, ты настоящий Бэтмен...

Через четверть часа я понял, что портрет состоялся. Говорю же, я сегодня в ударе, обычно всё получается гораздо труднее, со скрипом и истериками в формате «эту позорную мазню надо сжечь!!!».

Катя вроде бы ненароком просквозила мимо, желая подсмотреть, как у меня получается. Я решительно прикрыл «заготовку» своим телом, сказав, что это непрофессионально и нечестно, надо запастись терпением и в указанное время готовый результат будет предъявлен на суд широкой общественности.

– Да нормально получается, – успокоил её Денис-бутуз. – Он хорошо рисует, лучше всех здесь.

– Не коряга? – совершенно серьезно уточнила Катя. – В смысле, не под Пикассо?

– Нет, нормальная такая тётка, – сообщил бутуз. – Даже не страшная. И похожа на тебя.

– И на том спасибо, – кивнула Катя, отходя от нас.

Разумеется похожа, а как же иначе. В своё время арбатский портретист Кожедуб под хорошее вино и умные беседы давал мне мастер-класс и, в числе прочего, поделился несколь-

кими секретами мгновенного схватывания индивидуальных особенностей объекта. Это известный мэтр пятиминутного карандашного портрета; то, что он делает, больше похоже именно на волшебство (это Катя верно подметила), и люди несведущие частенько испытывают шок, видя, как буквально на глазах на мертвом листе появляется их живой образ, со всеми особенностями и чувственными оттенками. Так что мне в этом плане повезло: многие опытные художники всю жизнь трудятся в поте лица, тратя массу времени на тщательную прорисовку портретов, и даже не в курсе, что есть некие особые техники, значительно облегчающие ремесло.

– Должен заметить, у тебя тоже неплохо получается, – заметил я, желая отблагодарить бутуза. – Твой Фредди очень крут, я таких раньше не видел.

– Какой Фредди? – Денис в недоумении нахмурился.

Я ткнул карандашом в его мольберт.

– Саша, ты вроде такой большой... а такой тупой, – неободрительно пробурчал Денис. – Это Дед Мороз, не видно, что ли?

– Упс... Что ж, маленько промазал, бывает. А что у него в этом здоровенном мешке?

– Всякие подарки. Ты это... посторожи мой рисунок, я в туалет сбегая.

– А зачем сторожить?

– Чтоб не испортили, – понизил голос Денис и с тревогой посмотрел по сторонам. – Конкурс, сам понимаешь...

Денис быстро вернулся, поднатужился и закончил своего вороватого Фредди-Мороза раньше меня, чем остался очень доволен (как будто мы стартовали одновременно и работали в одном формате).

– Ну ты тут копайся дальше, а я пошел за подарком.

Кстати, ты только тёток рисуешь или мужиков тоже?

– Тебя нарисовать?

– Нет, баяю моего. Ну, если будет время... Я вижу, у тебя хорошо получается.

– Спасибо, твоя похвала согрела мне душу Но вот насчёт портрета... Гхм... Понимаешь...

– Мы с ней соседи, – плутовато подмигнул мне Денис, указав на Катю. – На одной площадке живём. И она у меня группу ведет.

– Ух ты! Что ж, это меняет дело. Если будет время, обязательно нарисую.

– Тогда я тебя с предками познакомлю. Надо будет чтобы они разрешили тебе прийти ко мне в гости.

– О как... А без подобного разрешения в вашем городе в гости не пускают?

– «В городе» – не знаю, а у нас точно не пускают. У меня батя ветеран-инвалид, в Чечне воевал. Ещё не знаю, он даст себя рисовать или нет. Надо будет уговаривать.

– Ветеран, говоришь... Синдром присутствует? В смысле, буйствует иногда?

– Нет, он спокойный. Но очень строгий.

– Ну и правильно. А то сейчас развелось всяких... Хорошо, я готов познакомиться с ветераном. Только рисовать будем несколько позже. Сегодня и завтра я буду занят.

– Договорились.

Катя переговорила с Денисом – общались они по-соседски, как свои люди, и пошла в зрительный зал. Я так понял, что пока киндеры рисуют в фойе, их родителей в зале развлекают детской худ самодеятельностью, чтобы не толпились за спинами конкурсантов и не мешали.

А интересно у них тут всё устроено, хоть и кондово, местечково, но в то же время с заботой о людях.

Денис неотрывно торчал возле стенда и охранял свой рисунок, исподтишка бросая тревожные взгляды на правый фланг рисовальщиков. Там сидел толстый веснушчатый мальчуган, не сказать, чтобы на вид явный злыдень и хронический уничтожитель нетленных полотен, но... в сторону Дениса и его рисунка поглядывал с явной неприязнью.

О как... Значит это не фобия и не игра детского воображения.

Интересно, вроде бы совсем маленькие, а уже столько нюансов в отношениях, что хоть сейчас садись и пиши книгу по прикладным аспектам детской психологии.

* * *

Едва Катя скрылась за дверью зрительного зала, с парадного входа впёрлась та самая активная молодежь, про которую давеча рассказывали местные чекисты.

Их было трое, от обычных обывателей они ничем не отличались, разве что у каждого на левой руке красовалась кумачовая повязка с белыми буквами «ДНД». Лица у ребят были вполне добродушные и даже где-то сельскохозяйственные, с таким простодушно-сермяжным оттенком. То есть у человека с воображением, приехавшего в глубинку из столицы, сразу могло сложиться впечатление, что это те самые комбайнеры из одноименной песенки Игоря Растеряева. В будни они как следует поработали, а в праздничный вечер, перед тем как основательно принять заслуженную дозу C_2H_5OH , решили добровольно помочь родному городу в соблюдении общественного порядка.

Возглавлял троицу невысокий голубоглазый крепыш, этакий забавный краснощекий боровичок, по местным меркам вполне даже симпатичный, с ответственностью во взоре и с неким намёком на принадлежность к Власти в интонациях.

Хлопнув по плечу Дениса, он по-хозяйски спросил «Где Катюха?» – и, получив ответ, направился было к дверям зрительного зала... но Денис что-то негромко ему сказал и безапелляционно ткнул пальцем в мою сторону.

– Вот так ни хрена себе! – простецки удивился боровичок. – А ну...

Он подошел поближе и с минуту безмолвно смотрел на мою работу.

Портрет был почти готов, осталось нанести завершающие штрихи. Я счёл, что такое красноречиво-молчаливое созерцание – это закономерное восхищение моим талантом, и не стал выговаривать непрошенному соглядатаю за вмешательство в процесс.

Поглазев на портрет, он всё с теми же хозяйскими интонациями уточнил:

– Это для чего?

Как и подобает творческой личности, я воспринял этот вопрос в самом широком аспекте: перспективы, планы на будущее и прочие нюансы, которые внезапно открывает перед Катей внимание великого московского художника, ненароком забредшего в этот забытый богом уголок.

В общем-то понятно, что я не обязан отвечать на такого рода вопросы, но моё развитое художественное чутьё подсказало, что боровичок – это Катин брат. Он быт похож на неё и вполне по-братски проявлял заботу о ней, беспокоясь, не повредит ли Кате такое неожиданное знакомство. Поэтому я не стал вставать в позу и задаваться, а запросто объяснил, что Катя – удивительная девушка и для любого уважающего себя художника было бы страшным преступлением пройти мимо такой выдающейся натуры.

По поводу же ближайших перспектив пояснил следующее: то, что он видит, вовсе не портрет, а всего лишь примитивный эскиз (пусть сразу проникнется, каков я мастер, если у меня такие эскизы). В своей московской студии я напишу с него полноценный портрет маслом, и если он хорошо «пойдёт» на вернисажах европейских столиц, то Катю наверняка ожидает большое будущее.

То есть если у нас с ней удачно сложатся отношения, её ожидает головокружительный успех на мировом уровне.

В общем, красиво соврал, складно и эпично, такие посулы должны впечатлить любого деревенского братца.

Боровичок, однако, на всю эту мишуру даже и ухом не повел, а расплывчатое и вроде бы безобидное понятие «отношения» вызвало у него странную реакцию:

– Не понял... Это что же получается, сырок ты гамбургский... Это ты, кур-рва мааскоффская, мою Катюху клеишь?!

Сказано это было очень негромко, в диапазоне свистящего шёпота, но я всё тщательно расслышал и страшно удивился такой вульгарной трактовке развития событий.

– Что значит «клеишь»? Что вы себе позволяете?! Она, вообще, вам кто?

– Она мне – всё, – решительно заявил боровичок и, приняв меня под локоток, кивнул куда-то в дальний угол: – Пойдём, я те щас всё популярно растолкую.

В дальнем углу была железная дверь, над которой в соответствии со всеми социалистическими нормами горел плафон и зияла бросающаяся в глаза надпись «Пожарный выход».

– А, то есть вы хотите бить меня втроём? – Я невольно возвысил голос.

– Да не сцы, пад-донак, – презрительно процедил боровичок. – Всё будет честно, один на один. Чисто мужской разговор, ты и я. Ты идёшь или как?

– Ну, если «чисто мужской»...

...и мы направились к пожарному выходу.

Вот вам и приключение. А что-то у меня сегодня «чуйка» работает из рук вон... И с чего я взял, что боровичок – Катин брат? Наверное, переутомился после перелёта, акклиматизация началась.

Товарищи боровичка остались в фойе, а мы вдвоём вышли во двор.

Это был своего рода патио. ДК, оказывается, построен буквой «П». Здесь было тихо и чисто, справа у стены здания стояла пара здоровенных металлических контейнеров для крупногабаритного мусора. Фонари отсутствовали, но из-за множества светящихся окон во дворе была вполне сносная видимость.

Скажу сразу, я вообще-то не любитель случайных драк, но постоять за себя умею. Меня регулярно натаскивают двое мастеров боевых действий, и в числе прочего я неоднократно отрабатывал умерщвление врага на поле боя при полном отсутствии экипировки – проще говоря, голыми руками. И я, конечно, не мастер боевых искусств, и до моих учителей мне как до провинции Пи-Сюань в коленно-локтевой позе, но... кое-что умею.

То есть если бы боровичок встретился мне в бою в сходной ситуации (оружия нет, остались только руки, ноги и зубы), я бы не раздумывая прислонил его височком к острому выступу мусорного контейнера, на выходе вогнал бы личиком в косяк или попросту перебил трахею одним точным ударом. Ну, по крайней мере, на тренировках у меня это получалось без проблем.

Но крепыш врагом не был. А был он обычным деревенским увальнем, который вполне справедливо собирался проучить приезжего нахала за приставания к местной красавице.

Мы встали друг против друга в панораме мусорных баков, как два дворовых пса, один местный, а второй пришлый, случайно заскочивший на чужой участок и в связи с этим несколько сконфуженный и отчасти признающий свою неправоту.

Не трата времени на взаимное обнюхивание, крепыш двинул спич:

– Значит так, художник, слушай внимательно. Я человек незлой, калечить тебя не хочу. Сделай всё правильно, и мы разойдёмся без проблем.

– «Правильно» – это как?

– Это так: забирай свой вонючий эскиз и вали отсюда куда глаза глядят. В свою вонючую Ма-аскву. И больше чтоб к Катюхе на пушечный выстрел не приближался. Увижу рядом – убью. Ты всё понял?

Такая вульгарная постановка вопроса возмутила меня до глубины души, и я хоть и чувствовал себя отчасти виноватым, но довольно жестко ответил, что мы с Катей люди взрослые

и в своих отношениях разберемся без стороннего арбитра. В конце концов, пусть дама сама выберет, кто ей больше по сердцу, это будет самый правильный вари...

– Ну и дурак, – не дослушав, буркнул боровичок и решительно бросился в атаку.

Я даже не успел принять боевую стойку – боровичок тараном снёс меня наземь, взгромоздился сверху и принялся окучивать сразу с обеих рук, азартно покрикивая:

– Нна тебе, сцуко! Нна, пад-донак ма-ас-кофффский! Нна!! Нна!!!

Нет-нет, это нечестно, это неправильно!

Мы должны были выписывать боксёрские круги по двору, красиво маневрируя и гарцуя, как рыцари на турнире... а этот скот просто бросился мне в пояс и даже ни разу ударить себя не дал!

Ну разве это драка?

Разве так поступают настоящие джентльмены?

Это что за деревенская дикость?!

– Нна! А вот в нагрузку! Эть!

От ударов голова гудела как чугунный котел, перед глазами всё плыло, я пытался прикрываться, однако неистовствующий боровичок ловко совал мне под руки, не на убой, но вполне ощутимо и ошеломляюще.

Не знаю, чем бы всё закончилось, вполне возможно, ещё через полминуты я бы благополучно отключился... но тут где-то рядом с нами раздался возмущенный женский вопль и боровичка кто-то принялся стаскивать с меня, ругая на чём свет стоит и беззастенчиво награждая оплеухами.

– Катюха, ну прекрати...

– «Шлеп!!!»

– Кать, мы тут просто шутили...

– «Шлёп!!!»

– Да всё, всё, я всё понял, не трогаю я его... Ай! Больно же, прекрати!

– Никита, ты совсем дурак? Что ж ты делаешь, сволочь?! Ты чего на людей бросаешься?! Я тебя предупреждала?! Да я тебя прямо сейчас сдам Семёнову! Всё, уже звоню!!!

– Катюха...

– Никита, у тебя десять секунд!

– Кать... ну всё, всё, ухожу!

– Пошел вон отсюда! Считаю до десяти – и звоню!

– Всё-всё, уже пошел...

Освобожденный своевременным женским милосердием от увесистого боровичка, я сел, мотая головой и восстанавливая дифференц, и увидел, что мой супротивник торопливо удалялся прочь, за ним в кильватере пристроились двое помощников с повязками, а у пожарного входа столпилась вся арт-группа в полном составе: снегурочки, возглавляемые Катей, и киндер-рисовальщики.

В общем, все, кто был в этом крыле, выскочили посмотреть, как мы тут развлекаемся. Наверное, шумно получилось, боровичок оказался на диво звонким, да голосистым.

– Ну всё, нечего тут глазеть! – шикнула на детвору одна из снегурочек. – Не видели, что ли, как парни балуются?

– Это гомосеки балуются, – солидно пискнул кто-то из толпы. – А парни дерутся.

– Семёнов, следи за языком! – прикрикнула Катя. – Девочки, давайте все по местам. Так, внимание: считаю до десяти, кто останется – не получит подарка. Раз!

Угроза возымела действие: спустя несколько секунд арткinderы, подгоняемые снегурочками, исчезли за дверью, и мы с Катей остались одни.

Какая замечательно строгая девушка. Всем даёт по десять секунд, и Никите и детям. А мне сколько дадут?

– Семёнов... – На фоне кровавой соли во рту и басовитого гудения в голове меня посетила гротескная догадка: – Это вот тот Семёнов... которому грозили сдать Никиту?

– Это его отец. – Катя помогла мне подняться. – Начальник Никиты. А это Егорка Семёнов, и он Никиту не сдаст. Понимаете, это у них такая пацанская этика... Как вы?

– Как я? Жив, и слава богу. Спасибо за гостеприимство... Ох... Пойду-ка я в мэрию... Десять секунд...

– При чём тут десять секунд? Зачем в мэрию? – Тут Катя не на шутку переполошилась: – Нельзя вам в мэрию, в таком виде! У вас кровь...

– Ну тогда в больницу. Далеко отсюда больница?

– Ой... И в больницу вам нельзя...

В течение следующей минуты мы мучительно соображали, что со мной делать. Катя скороговоркой выпалила свои доводы, и я вынужден был признать, что в логике ей не откажешь.

В мэрии сейчас банкет, там собралось всё городское начальство (и Семёнов тоже!). Если туда ввалится дорогой гость – избитый и окровавленный московский художник, непременно будет большой скандал и пострадает немало хороших людей. Чёрт с ним, Никиту сразу загребут, но и Кате тоже попадёт как организатору конкурса, где всё и случилось.

Если я в таком виде пойду в больницу, врачи сразу позвонят в милицию. Здесь с этим делом строго, все друг друга знают, а я чужой, так что это сразу станет общенародным достоянием.

Собственно, на банкет к начальству я не собирался, просто чекисты сказали: если надоест гулять, чтобы подошел к мэрии. Гулять, как вы наверное догадались, мне уже надоело, но ясно было, что в таком виде шарахаться у мэрии не стоит, да и чекисты сразу поднимут шум, когда увидят меня такого красивого. С больницей тоже всё ясно. И пусть за всеми этим девичьими тревогами видна в первую очередь забота о непутёвом Никите, зловредном боровичке, которому за унижение высокого гостя грозят большие неприятности, но я всё же не настолько подлец, чтобы мстить ему через «верхи» и тем более доставлять неудобства такой замечательной девушке.

– Ну и что же мне делать? – гнусаво спросил я. – У меня, по-моему, бровь рассечена и хорошо нос разбит, я весь в крови...

– Я знаю, что мы сделаем! – внезапно озарилась Катя. – Тут неподалёку есть уютное местечко, там хорошая врачиха, она вас осмотрит и окажет помощь. Пойдёмте, я вас отведу.

– А в этом уютном местечке тоже банкет?

– Нн-нуу... да, вроде того... Но там много не пьют, интеллигенция, можно сказать, местная творческая элита, так что можете не сомневаться, помощь окажут обязательно... Пойдёмте, пожалуйста, вам понравится! Там очень интересные и замечательные люди, они будут вам рады. Это рядом.

– Хорошо, пойдёмте.

Катя сбегала за курткой, заодно прихватила свой портрет в моём исполнении, и мы отправились в «уютное местечко».

Глава 4

ЧП. ПАРТНЁРЫ И К«"»

По дороге в Курково ЧП с Феликсом пересеклись со специалистом по общественным организациям Иннокентием, чтобы обсудить один насущный вопрос.

Иннокентий (оперативный псевдоним, разумеется) выглядел озабоченным. В его «хозяйстве» назревали серьёзные проблемы, требовавшие скорейшего решения.

Случилось так, что постепенно накапливающиеся противоречия между двумя лидерами патриотической молодёжной организации ДНД (Добровольная Народная Дружина) вошли в свою конечную фазу и трансформировались в непримиримую вражду.

Проще говоря, лидеры бросили все дела и самозабвенно бодаются, как два тупых барана. А поскольку за каждым стоят люди, дело идёт к расколу организации.

В общем, ДНД на пороге гражданской войны, и с этим нужно немедленно что-то делать.

И вроде бы всё это звучало смешно, с этакой местечковой наивностью... если бы не ряд серьёзных обстоятельств.

В ходе предшествующего Эксперименту подготовительного этапа специалисты ЧП по общественным организациям проделали немалую работу.

Им удалось создать из ДНД, этой «секции профилактики правонарушений», сохранившейся как рудимент Советской Эпохи, полноценное молодёжное движение – структурированный, удобный, хорошо управляемый инструмент влияния. Этот инструмент неплохо зарекомендовал себя в сфере распространения слухов и формирования общественного мнения, так что ЧП рассчитывал использовать его и в дальнейшем, чтобы разгрузить основные силы и не тратить людской ресурс на ряд второстепенных задач.

Ну и вот такой неутешительный итог: как только движение оформилось и обрело конкретные очертания, оба лидера, которые до сего момента вроде бы шли рука об руку и вместе делали общее дело, почувствовали, что им тесно в одной лодке, и начали непримиримую борьбу за власть.

– Идиоты малолетние! – не удержавшись, возмутился ЧП. – Молоко на губах не обсохло, а туда же... Власть им подавай!

– Надо срочно что-то делать. – Иннокентий озабоченно нахмурился. – Иначе, когда НАЧНЁТСЯ, мы вместо помощи получим две воюющие группировки и в итоге потеряем Движение.

ЧП призадумался. Нет, всё пока идёт по графику, но в последний день почему-то проявляются все шероховатости и неровности. По-видимому, это тоже часть местной специфики: пока готовились, вроде бы всё было нормально и гладко, а перед самым стартом побежали нюансы.

– То есть я так понял, что обоих сохранить не удастся?

– Нет, никак не получится. – Иннокентий с искренним сожалением вздохнул.

Очень жаль. Оба – перспективные лидеры, каждый хорошо прикормлен и крепко сидит на крючке, за каждым стоят люди, часть формации.

– Кого оставим?

Иннокентий назвал имя. Назвал не колеблясь, уверенно и чётко, и ЧП не стал уточнять и перепроверять по своему информационному массиву. Иннокентий спец в своей отрасли, если не сомневается, значит, выбор продиктован целым рядом веских аргументов.

– Но грубо убирать нельзя, – спохватился Иннокентий. – Подставим под удар оставшегося, у него мотивы, возникнут недомолвки, слухи...

– Хорошо. – ЧП посмотрел на Феликса. – Надо сделать тонко.

– Сделаем. – Феликс протянул Иннокентию флэшку. – Подготовь информацию по «объекту». На обратном пути заберу.

– Есть.

Феликс был не в курсе проблемных вопросов общественных организаций, он включился в процесс совсем недавно, в подготовительный период практически не участвовал и занимался в основном «силовыми» вопросами.

– Не жалко? – спросил на прощание ЧП.

– Жалко, – признался Иннокентий. – Я в него, мерзавца, столько труда вложил... Конечно жалко...

* * *

Курково можно назвать деревней с большой натяжкой. Это именно посёлок, поселение: скопите разнообразных пристроек, вагончиков, времянок, бытовок, ветхих лачуг и даже землянок, со всех сторон прилепившихся к центру – бывшей зоне, ИТК № 121, возведённой в незапамятные времена специально для постройки химкомбината «Чёрный Сентябрь».

Сейчас в посёлке наблюдается немалое скопление постороннего транспорта. Со всех соседних районов сюда съехался уголовный сброд, слетелось вороньё на кровавый пир, обещанный местными «авторитетами», которые глубоко и надёжно вовлечены в Эксперимент нестигаемой волей ЧП.

Вернее, даже не волей отдельно взятого человека, это будет не совсем верное утверждение, а универсальной схемой, отработанной в других странах и оптимизированной под местную специфику.

В других странах для самой грязной и неблагодарной работы используются беднейшие племена и кланы-изгои, отброшенные от Государственной Кормушки более сильными конкурентами.

В этом регионе воленс-ноленс пришлось привлекать криминалитет. Племена здесь перевелись ещё во времена большевиков, а структура местной клановой иерархии на удивление однополюсная: все существующие кланы прочно сидят во Власти.

Кланы, по каким-то причинам отлучённые от Власти, здесь просто не выживают, их сразу же загрызают насмерть, без права на апелляцию и последний вопль.

Для ЧП, привыкшего к азиатской жестокости и восточной хитрости, это было ошеломляющим открытием. До углубления в местную специфику он искренне полагал, что в бывшей Стране Победившего Социализма всё устроено более цивилизованно и гуманно, чем в горах и пустынях у «варваров».

ЧП человек воспитанный и по-своему добропорядочный, он не любит криминалитет. Будь его воля, он бы дал команду наёмникам, и следующим шагом после захвата Арсенала и Центра стала бы ликвидация Курково «под ноль».

Однако всему своё время. В схеме Эксперимента четко определено место для Курково. После того, как этот расходный материал отработает своё, он неизбежно будет уничтожен.

* * *

Поставив вездеход на въезде в посёлок, проверили связь с «Арсеналом» и уточнили диспозицию.

Феликс предложил ЧП одеть миниатюрную гарнитуру рации, чтобы быть в курсе всех переговоров и в случае необходимости иметь возможность вмешаться в ситуацию.

Затем они оба вдели в воротники булавки-камеры, чтобы рассеявшиеся на позициях бойцы «Арсенала» могли видеть обстановку. Кроме того, камеры – это одновременно и

«маяки», которые показывают на планшетах снайперов местонахождение ЧП и Феликса, снижая риск случайного поражения до минимума.

– Готовы ли мы к крайнему варианту? – уточнил ЧП.

– Вопрос «эФ» или мне? – задумчиво прожурчал в ухе голос командира «Арсенала».

– Обоим.

– Готовы, – не раздумывая ответил командир.

– Угу, – поддержал Феликс и без тени рисовки добавил: – Мы убьём их быстро.

Крайний вариант – это массовая ликвидация «авторитетов». Если во время акции устрашения возникнет групповое неповиновение, ЧП с Феликсом нужно будет укрыться в первом попавшемся укромном уголке и «Арсенал» за минуту уничтожит ВСЕХ авторитетов. Огневой мощи для этой задачи хватит с избытком.

ЧП с Феликсом надо будет только продержаться эту минуту, а затем скорректировать огонь по «пристяжи», которая наверняка будет ошиваться где-то рядом, на улице.

– Хорошо, – одобрил ЧП. – Однако, надеюсь, что до этого не дойдёт. Это будет очень грубо и... крайне нецелесообразно.

Затем минут двадцать дремали, выдерживая «понятия». Приедешь раньше – несолидно, опоздаешь – нехорошо. Надо прибыть точно в срок и зайти спокойно и уверенно, как к себе домой.

* * *

К бывшей зонной столовке, в которой собрался пришлый и местный криминальный ареопаг, вездеход подъехал за полминуты до назначенного срока.

Возле столовой скопилась немалая толпа. Здесь курили и тихонько перешёптывались приближённые «авторитетов», не допущенные на «толковище».

ЧП с Феликсом степенно вошли в столовую и поздоровались за руку с вождём самой сильной местной «семьи» – Кареолом Маярдрой, который на правах хозяина взял на себя роль распорядителя мероприятия.

Столы были сдвинуты к центру буквой «П». По внешнему периметру плотно, локоть к локтю, сидели «авторитеты». Сервировка была как на конференции, никакой выпивки-закуски, только графины с водой, стаканы, листки бумаги и ручки.

Напротив основания буквы «П» стоял стол «президиума», в который входил сам Кареол, ещё двое авторитетных представителей Курковской «общины» и собственно «спонсоры» – ЧП с Феликсом.

Сели, осмотрелись. Феликс кивнул назад, в левый угол. Там был проход на кухню. Если ситуация свалится в край, надо будет резво двигать туда, это самое удобное место.

– Картинка нормальная, – раздался в ухе ЧП голос командира «Арсенала». – Готовы к работе. «эФ», указку подготовь, на всякий пожарный.

– Угу. – Феликс достал из кармана массивную стальную ручку, щёлкнул колпачком и положил перед собой на стол.

Кареол призвал публику к тишине, напомнил, зачем собрались, и без проволочек передал слово ЧП.

ЧП коротко, простыми словами, довёл правила и рубежи: перспективы, дивиденды, последовательность работы, что можно, что нельзя, на каких этапах «можно и нельзя» будут варьироваться. Затем перешёл к вопросам «карательного формата»:

– Я понимаю, что вы не армия, но... Попрошу чётко и в срок выполнять все наши распоряжения. За невыполнение приказов будем карать, за косяки – штрафовать, причём неслабо. Работать начнём уже сегодня вечером, так что с этого момента ни один человек за пределы посёлка не выезжает. Чтобы не допустить утечки информации. Ни один, понятно? Это приказ.

Основная масса присутствующих приняла слова ЧП спокойно: предварительные переговоры были проведены, примерные требования и условия все знали, никого силком сюда не тащили, сами подписались.

Но тут же обозначилась группа недовольных – и как раз те, о ком предупреждали аналитики.

– Слышь, начальник! Ты давай так резво не гони, осади мальчика, – борзо выступил от имени всех недовольных огромный, как гора, Блязидури Тхвобадзе. – Что надо, будем делать, не вопрос. Но мы люди вольные, куда хотим, туда едем, тут ты нам не указ. Ты чо тут, в натуре, кичу, что ли, хочешь устроить?! И потом, ты чо там прогнал, я не понял: какие, нах, штрафы? Ты кого, нах, карать собрался? Ты сам понял, вообще, что прогнал, нет? Ты щас сам такого косяка упорол, что дальше просто некуда!

Все присутствующие притихли и насторожились.

Тхвобадзе был известным беспредельщиком и славился дурным нравом, многие из братвы его знали и побаивались, поскольку за ним стояла многочисленная и кровожадная «семья». А ЧП был организатором всего этого сборища, и на его стороне выступали все авторитетные «семьи» Курково.

Все понимали, что сейчас кому-то придётся «прогнуться», или добром дело не кончится: намечался производственный конфликт с самыми непредсказуемыми последствиями, который в перспективе обещанных дивидендов никому был не нужен.

– И что вы предлагаете? – деловито и спокойно спросил ЧП.

– А ты чо, сам не допёр? – удивился Тхвобадзе. – Я чо, на мегрельском говорю?! Я ж русским языком сказал: осади, бл...! Никаких, нах, приказов, никаких штрафов, никаких «кар»! И будем ездить и ходить куда хотим, ты нас на цепь не посадишь.

– Есть люди, которые поддерживают это мнение? – уточнил ЧП. – Если да, прошу поднять руки.

Тотчас же взметнулись четыре руки плюс пятая самого Тхвобадзе, хотя его никто и не просил.

– Да, вижу, – тихо доложил командир «Арсенала». – «ЭФ», будь ласка, пометь «объекты».

Бунтари сидели в левой перекладине буквы «П», причём некомпактно: трое – и Тхвобадзе в том числе – в верхней части, рядом, и двое в розницу, где-то посерединке, с интервалом в три лица.

Феликс взял свою ручку и «ткнул» в каждого из протестующих.

– Есть захват, – доложил командир «Арсенала». – Спасибо, цели взяли.

Движение Феликса не осталось незамеченным: Тхвобадзе привстал и с детской непосредственностью полюбопытствовал:

– Я не понял... Это чо такое сейчас твой пацан сделал?

– Маркеры поставил, – буднично сообщил Феликс. – Теперь вы в «сетке».

– Итак? – запросил командир «Арсенала».

– Работайте, – разрешил ЧП.

– В какой, нах, се...

Слово оборвалось на первом слоге: стена напротив столов вдруг плюнула щепой и обзавелась сразу пятью отверстиями, непредусмотренными строительными нормативами.

Пятеро бунтарей были отброшены далеко назад, вместе со стульями. Троицким начисто снесло головы, они раскололись и разлетелись вдребезги, словно взорвались изнутри, а в телах двоих образовалось по огромной сквозной пробоине. Кровищи вокруг было – словно на хорошей скотобойне.

– Спасибо, это было наглядно, – поблагодарил ЧП командира «Арсенала» и всё тем же спокойным тоном обратился к ошеломлённой аудитории: – Ещё вопросы есть?

В столовой стояла мёртвая тишина, разбавляемая прорывающимся в нескольких местах рвотными позывами. Люди заворожено смотрели на обезображенные тела, переводили взгляды на отверстия в стене, через которые бодро сквозили лучи света, и... нет, никто из присутствующих не роптал и не призывал к немедленной мести.

Вопросов не было.

– Замечательно, – констатировал ЧП. – Будем считать, что обо всём договорились.

Глава 5

АЛЕКС ДОРОХОВ. ДИВНАЯ НОЧЬ НАКАНУНЕ ВП

– Это очень старый дом, – с гордостью сообщила Катя. – Он входит в реестр культурного наследия области. До революции это была контора заводоуправления промышленника Сабурова, а сейчас здесь проживает творческая элита нашего города.

– Угу...

Дом выглядел как все прочие здания в округе: ничем не примечательная трёхэтажная «сталинка», однако я не стал возражать и почтительно «угукнул». После Москвы с мемориальными табличками едва ли не на каждом здании местечковое культурное наследие воспринималось как детская наивность, но я был не в том состоянии, чтобы участвовать в дебатах об особенностях местной архитектуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.